2Б
58
У 51
Я. Ульфельд
Путешествие
М. 1889

ПОДАЛЕНО

II
Дб
58
У51

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ РОССІЮ

ДАТСКАГО ПОСЛАННИКА

ЯКОВА УЛЬФЕЛЬДА

ВЪ XVI ВѢКѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО,

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Елпидифора Барсова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1889.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
571984.

Изъ „Чтеній“ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Латинскій оригиналъ издаваемаго памятника долго считался утраченнымъ и затѣмъ, какъ скоро былъ отысканъ, изданъ былъ нѣсколько разъ. Знаменитый Мельхіоръ Голдастъ въ 1601 году случайно у одного торговца въ Ліонѣ въ книжномъ хламѣ, какъ макулатуру, купилъ между прочимъ и рукопись Ульфельда. Такъ какъ въ рукописи не было обозначено фамиліи автора, то Голдастъ издалъ ее подъ слѣдующимъ неопредѣленнымъ заглавіемъ: „Jacobi, Nobilis Dani, Friderici II Regis Legati, Hodoeporicon Ruthenicum, nunc primum editum cum figuris aeneis, ex Bibliotheca Melchioris Heiminsfeldi Goldasti". Francofurti 1608. 4°. Съ теченіемъ времени издатель отъ Дацкаго ученаго пастора, по имени Липандера, получилъ точныя свѣдѣнія какъ о личности самаго автора, такъ и о судьбѣ его рукописи и потому вновь издалъ ее подъ слѣдующимъ пространнымъ заглавіемъ: „Nobilissimi, et Strenuissimi Equitis Dani, Jacobi Ulfeldii, Domini in Ulfeldtzholm et Selsovia etc. Regii Danorum Consiliarii, Legatio Moscovitica, sive Hodoeporicon Ruthenicum in quo de Russorum, Moschorum et Tatarorum Regionibus, Moribus, Religione, Gubernatione, et Aula Imperatoria quo potuit compendio et eleganter exsequitur. Accesserunt Claudii Christophori Lyschandri, Praepositi Herfolgensis, Epistolae de authore

hujus opusculi: nec non figurae variae in aes incisae a Joh. Theodoro de Bry. Omnia simul edita ex bibliotheca et studio Viri Nobiliss. et. Clariss". Melchioris Goldasti Heiminsfeldii etc. Francofurti a. M. 1627. 4°. Оба указанныя изданія въ литературѣ принимались иногда за совершенно разныя книги; въ дѣйствительности они различаются только заглавіями.

Въ послѣдній разъ это „Путешествіе" было перепечатано съ перваго изданія въ 1842 году подъ заглавіемъ: [1] „Jacobi Ulfeldii Legatio Moscovitica sive Hodoeporicon Ruthenicum. In Historiae Ruthenicae Scriptores Exteri Saeculi XVI. Ed. Adalbertus de Starczewski. Berolini et Petropoli MDCCCXLII." Vol. I. No. X.

Издаваемый нами русскій переводъ этого путешествія былъ сдѣланъ еще въ XVIII вѣкѣ и потому самому есть уже важный историко-литературный русскій памятникъ. Но не въ этомъ состоитъ главное его значеніе: въ немъ есть предисловіе, котораго не сохранилось въ дошедшемъ до насъ латинскомъ оригиналѣ; переводъ этотъ былъ сдѣланъ не съ печатнаго латинскаго текста, но съ рукописи, которая остается пока неизвѣстною. [2] Здѣсь встрѣчаемъ любопытныя біографическія свѣдѣнія о самомъ авторѣ, которыхъ нѣтъ въ изданныхъ латинскихъ текстахъ. Такъ напр. въ русскомъ переводѣ

---

[1] Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ Библіографическихъ указателяхъ (G. H. Stuck's Verzeichn. von Land—und Reisebeschr. Th. I, s. 304), упоминается еще изданіе 1602 года подъ заглавіемъ: «Jac. Ulfeldi legatio moscovitica: hodoeporicon rhutenicum, in quo de Russorum, Moscorum et Tartarorum regionibus, moribus, religione compendiose exequitur» (sic) Francof. 1608. 4°. Francof. 1622. 4°. Но по замѣчанію Аделунга такихъ изданій никогда и ни гдѣ не встрѣчалось и, вѣроятно, никогда не бывало.

[2] Латинскій оригиналъ прямо начинается словами: «Nemini dubium esse arbitror antiquis temporibus praesertim tempore piissimi regis Christiani»... то-есть по русскому переводу словами: «Я думаю, всѣмъ извѣстно, что въ давнія времена, наипаче во время блаженныя памяти короля Христіана и проч.

авторъ между прочимъ говоритъ о себѣ: „чувствую себя неспособнымъ къ описанію сего изрядно; ибо признаюсь, что я не много въ обученіи латинскаго языка упражнялся и не чисто писалъ по латинѣ, что и не удивительно, потому что я чрезъ тринадцать лѣтъ удалившися отъ ученій".

По своему внутреннему содержанію „Путешествіе" это чрезвычайно важно для русскаго историка. Кромѣ любопытныхъ извѣстій объ обстоятельствахъ самаго путешествія, оно сообщаетъ нѣкоторыя подробности о тогдашней войнѣ Россіи съ Швеціею, описываетъ Псковъ, Новгородъ, Тверь, Троицкую Лавру. Но самыя драгоцѣнныя данныя относятся къ характиристикѣ Ивана Грознаго; такъ напр. здѣсь встрѣчаются указанія, какъ Грозный держалъ себя во время стола, даннаго въ честь пословъ, какъ велъ себя во время торжественныхъ аудіенцій и т. п. Само собою разумѣется, что не все сказанное имъ можно принимать на вѣру. Въ общемъ своемъ направленіи „Путешествіе" отзывается враждебностію къ Русскимъ. Въ 1578 году Ульфельдъ еще разъ былъ въ Москвѣ и заключилъ „трактатъ" съ Россіей, который не былъ утвержденъ Дацкимъ королемъ и навлекъ на него немилость своего двора. Быть можетъ, сдѣланное имъ описаніе путешествія было съ его стороны своего рода „апологіей" и потому онъ такъ рѣзко нападаетъ подъ часъ на русскія нравы и обычаи.

Единственный списокъ издаваемаго перевода принадлежитъ Московской Городской Чертковской библіотекѣ.

Е. Барсовъ.

ОДНОГО ЗНАТНАГО ДВОРЯНИНА ДАЦКАГО ЯКОВА,

ПОСЛАННИКА ФРИДЕРИКА ВТОРАГО КОРОЛЯ

Описаніе путешествія въ Россію, въ которомъ о странѣ Великороссійскихъ народовъ, о нравахъ, преданіи вѣры, правленіи и о дворѣ Царскомъ, какъ возможно, коротко и изрядно представлено.

Человѣку въ жизни нѣтъ ничего пріятнѣе и полезнѣе познанія священныхъ и гражданскихъ исторій, потому что изъ оныхъ научится можно истинному знанію Бога. Ибо священное писаніе не что иное есть, какъ справедливое историческое извѣстіе о Бозѣ Отцѣ, Сынѣ и Духѣ Святомъ. А сіи предписываютъ правила, какимъ образомъ провождать жизнь свою и какъ поступать во оной должно; то нужно есть имѣющимъ просвѣщенный разумъ прилежно упражнятися во оныхъ; ибо во исторіяхъ попадаются во многихъ мѣстахъ увѣщанія о избѣжаніи пороковъ и пріобрѣтеніи добродѣтелей, также безчисленные примѣры, которые показываютъ, что нечестивые люди и мучители казнены и наглою смертію многократно лишаемы были живота, а честные и богобоязливые люди всегда невредимы оставались и спокойно умирали: дабы кто исторію вразумительно читаетъ, имѣлъ всегда предъ глазами образецъ, по которому бы всѣ свои дѣла управлялъ, и изъ примѣра другихъ могъ бы научитися, какимъ образомъ жить долженъ, чтобы умилостивить Бога, дабы чрезъ беззаконное житіе не подпасть Божіему гнѣву и праведному наказанію, и дабы, смотря на другихъ примѣръ, умѣлъ о себѣ попече-

ніе имѣть и убѣгать того, чрезъ что бы можно навесть на себя другихъ гнѣвъ и подпасть наказанію. Ибо Богъ и въ сей жизни наказываетъ жестоко за великое беззаконіе, како то видно изъ священныхъ и гражданскихъ исторій. И понеже весма много есть историковъ такихъ, которые свое историческое писаніе въ печать предали: для того я не за приличіе думаю больше о томъ писать, но весьма коротко намѣреваю исторически объявить о моемъ и о другихъ вмѣстѣ со мною бывшихъ путешествіи въ Россію: и чувствую себя неспособнымъ къ описанію сего изрядно; ибо признаюсь, что я немного въ обученіи латинскаго языка упражнялся, и не чисто писалъ по латинѣ; что и не удивительно, потому что я чрезъ тринадцать лѣтъ удалившися отъ ученій.

Впрочемъ дабы извѣстно было, что въ сей книгѣ писать хочу, коротко объявлю: и такъ вопервыхъ причину посольства нашего представлю; потомъ кто посланъ былъ: отъ кого, къ кому, когда, которою дорогою, какія приключенія случались, какъ приниманы, угощаемы и какъ отосланы и отпущены были, что разширять не стану, дабы читателя праздными и продолжительными рѣчми не затружать: чего ради прошу благоразумнаго читателя все сіе вкратцѣ выслушать.

Я думаю всѣмъ извѣстно, что въ давныя времена, паипаче во время блаженныя памяти благочестивѣйшаго короля Христіана, дражайшаго родителя нашего короля, между Даціею и Россіею дружелюбіе и миръ были, и мирными договорами два сіи государства такъ соединены, что жителямъ обоихъ оныхъ свободно было въ провинціяхъ другаго государства купечествовать, и на то учрежденныя въ Копенгагенѣ [1] домы собственные имѣть Россіянамъ, такъ какъ и Дацкимъ людямъ въ Нарвѣ, да и гдѣ хотятъ, безъ всякой опасности взъѣзжать на дворъ не запрещаемо было. Таковъ союзъ представляя Король Фридерикъ вторый заблагоразсудилъ подражать примѣру Анмецекоровъ [2] своихъ, а наипаче дражайшаго родителя своего, и тотъ часъ по вступленіи своемъ на престолъ [3] чрезъ отправленныхъ отъ себя посланниковъ *Иларія Гарденберха гофмаршала,* [4] *Ивана Улстандта маршала, Іякова Брохен-*

---

[1] Hafniae.

[2] Antecessorum suorum, т.-е. предшественниковъ своихъ.

[3] Postquam regio diademate coronatus esset.

[4] aulae magistrum.

гаузена, не толко прежній союзъ подтвердить, но еще и новыми мирными договорами дружбу и взаимное согласіе возобновить, однако не на тотъ конецъ, чтобы сіе которому-нибудь христіянскому Государю было въ предосужденіе, или дабы чрезъ такое съ Россіею соединеніе помочь ей подавать противъ непріятелей, но больше для того, чтобъ Государства сихъ Государей посредствомъ такихъ союзовъ въ спокойствѣ пребывали.

Сей союзъ ненарушимъ состоялъ даже до 1506 [1] года, въ который по причинѣ споровъ бывши въ Лифляндіи губернаторовъ Короля и Великаго Князя Московскаго, нѣчто въ противность союза происходило, такъ что Великій Князь отнялъ у *Короля третіяго* крѣпости Гапсель, Легаль и Люденъ [2] въ Лифляндіи, хотя сей просилъ его чрезъ письма неоднократно о привращеніи оныхъ къ себѣ, ибо по законамъ мирныхъ договоровъ вольно было Королю владѣть тѣми.

За сію обиду въ противность союза ему нанесенную, понеже безъ войны и кровопролитія подданныхъ не можно было инако отмстить, какъ толко бы развѣ новыми мирными договорами справедливыми возобновить и утвердить оныи: для того Король старался болше о спокойствѣ подданныхъ, нежели отмщеніи, желая за лучшее почелъ все прежде словами испытать, нежели войною перевѣдаться, какъ разумному прилично (по словамъ Терентія) дабы подданные не пришли въ раззореніе чрезъ утѣсненья, войны и бѣдственныя состоянія, и дабы не проливалась кровь невинныхъ.

Сія была главная причина нашего посольства, и первой пунктъ, о которомъ здѣсь предложить обѣщался я въ началѣ сей книги; теперь слѣдуетъ объявить кто таковъ посланъ, и кому сіе дѣло поручено было; и такъ для сего отправленія употреблены были *Григорей Улстандтъ Евтропъ* [3], *Арнолдъ Угерупъ Фрупъ* [4], *Павелъ Веринкенъ*, [5] секретарь, и я, и для болшей посольства важности придано намъ шесть дворянъ ради вспоможенія, между которыми первѣйшій былъ Иванъ *Вентерманд Олструпъ*, [6] которому бывшему казначе-

---

[1] in annum 1575.
[2] Lehall et Loden.
[3] de Estrop.
[4] de Urup.
[5] Wernicken.
[6] Wenstermand de Olstrup.

емъ при насъ денежная казна поручена была; другій по немъ *Стеномацень*, [1] сеи маршалскую должность отправлялъ: третій *Геннингъ Фалстеръ* поваръ: четвертый *Георгъ Сувавеніи* [2] мундшенокъ [3]; также были и Данило *Гекенъ*, [4] и *Георгъ Мунке*; всѣ сіи съ слугами и помощниками отправлены были съ нами вмѣстѣ, а всѣхъ насъ *было сто* кромѣ трехъ трубачей, и столько жъ музыкантовъ; итакъ поднявши якори, распустивши парусы, отправились мы въ море *въ пятницу предъ* Вознесеніемъ Христовымъ, *9 числа Маія*, и отъѣхавши отъ Драгора при помощи благополучнаго вѣтра поѣхали на трехъ корабляхъ и шести галерахъ къ острову Борнголму, который растояніемъ *отъ Гафніи* находится въ 25 миляхъ морскихъ; туда на третій день пріѣхали мы, въ томъ мѣстѣ бросили якори, всю ночь простояли: на другой день весма рано, имѣя благополучный вѣтръ, опять парусы распустили, и поѣхали въ Готландію.

Во время же кораблеплаванія нашего нечаянно схватился сѣверный вѣтръ, весма противный, воспящающій намъ путь. Итакъ мы чрезъ нѣсколько часовъ то сюда, то туда волнами носимы, противъ воли нашей принуждены были наконецъ отъѣхать назадъ къ *Борнголму*, откуда поѣхали было, но между тѣмъ слѣдующее намъ несчастіе случилось: небо весма ясное во одно мгновеніе ока такъ помрачилось, что изъ восми кораблей, которые отъ насъ въ весма близкомъ разстояніи бѣжали, не только меншаго, но и самаго большаго не можно было усмотрить, отчего послѣдовало, что одна изъ галеръ называемая Авраамъ по причинѣ темныхъ облаковъ набѣжала нечаянно и ударилась носомъ своимъ объ носъ нашего корабля, съ такимъ стремленіемъ, что почти совсѣмъ потонула въ воду, и отбился правый оный бортъ галеры, который къ намъ поближе подъѣхалъ было по водѣ, также и мачта передняя имсанеръ [5] изломаны: чго все съ великимъ послѣ того трудомъ въ Борнголмѣ починивали; такое же несчастіе и съ нами послѣдовало, ибо и у нашего коробля отбилась часть носа, но причинѣ чего великій вредъ послѣдовалъ; потому что отъ той порчи вездѣ послѣ протекла вода въ щели, чего ради принуждены

---

[1] Steno Malzen.
[2] Swavenius.
[3] poculis praefuit—виночерпій.
[4] Hoecken.
[5] Fuckmast, sicut et Mysaner.

мы были съ чрезвычаинымъ трудомъ день и ночь выливать оную, и вычищать то мѣсто у корабля, въ которое всякая нечистота стекаетъ. Послѣ сего поѣхали мы было въ Борнголмъ (какъ выше объявлено) въ самую ночь, гдѣ на морѣ не могли усмотрить каменистыхъ горъ, потому что небо вдругъ помрачилось, о чемъ выше упомянуто; итакъ остановивши корабли на якоряхъ, стали среди моря; мы думали, что цѣлая миля или больше еще отъ насъ до острова оставалось, однако поутру, когда небо стало прочищаться и мракъ исчезъ, усмотрили, что мы возлѣ каменистыхъ горъ, въ великой опасности ночевали, къ которымъ еще бы немножко ближе подошли, то бы въ прахъ разбились наши корабли, почему должно благодарить Бога свободившаго насъ отъ таковаго морскаго злоключенія.

Двадесятаго числа того же мѣсяца въ благополучное время поплыли мы опять моремъ, и переѣхавъ сто десять миль прибыли съ Божіею помощію въ *Есило* [1] *25 числа* въ день Троицы, а на другой день, остановивши корабли, пріѣхали сухимъ путемъ въ Липляндію, гдѣ *за Арнбургскою* [2] *крѣпостію* въ предмѣстіи *Гагдверкъ* [3] переночевавши, до 30 числа промѣшкали, и видѣли тамъ многія бѣдствія людей, голодъ такой великой, что они питались хлѣбомъ изъ отрубей, сѣна и соломы спеченнымъ, такъ какъ и въ многихъ другихъ мѣстахъ на пути травою по лугамъ и по лѣсамъ растущею.

Выѣхавши мы изъ *Арнбурга* вышеписаннаго числа, переѣхали мы три мили, и ночевали въ домѣ Тоелсъ: оттуда на третій день прибыли въ *Соннебургъ*, перебѣжавши пять миль.

Перваго числа іюня мѣсяца переѣхали мы чрезъ море *Монсундъ*, и пріѣхали къ королевскому дворцу *Монгардъ*: гдѣ ту ночь переночевали на дворѣ, потому что оныи Россіяне и Шведы сожгли и опустошили.

Втораго числа переѣхали чрезъ другое море называемое *Монсундъ великій*, на которомъ наѣхалъ бѣдственно корабль нашъ на неизвѣстную каменистую гору, такъ что ежели бы на шлюбкѣ быв-

---

[1] Oesiliam.
[2] Arnsburgum.
[3] Hagdwerck.

шей при насъ не доѣхали къ берегу, то бы можетъ быть потонули, ибо съ такимъ стремленіемъ наскочилъ на ту гору, что чрезъ два или три часа насилу могли корабельщики свободить оный и въ надлежащее мѣсто отвесть: и прибыли *въ Вигкъ* [1] отстоящій въ дву миляхъ отъ острова *Моенъ*, гдѣ встрѣтили *насъ Россіяне*, отъ которыхъ увѣдомились мы, что Шведы не далече оттуда съ войскомъ стоятъ, чего ради говорили они, что нелзя намъ къ *Пернову* [2] въ безопасности доѣхать, пока не выступятъ въ другое мѣсто, ибо Россіяне, весма малое число войска тогда имѣя, не могли имъ противитися. Здѣсь мы, пребывая три дни, всякую ночь на дворѣ спали, и понеже изъ съѣстныхъ припасовъ ничего кромѣ трехъ овецъ, одной коровы и двухъ цыпленковъ, а напитковъ также ни мало не было принесено намъ, для того принуждены были наши слуги воду пить, почему сѣли было мы въ корабль, желая въ Перновъ ѣхать, однако чрезъ три или четыре часа волнами по морю тщетно носимы; наконецъ жестокимъ вѣтромъ воспящены будучи и нехотя приплыли назадъ къ тому пристанищу, откуда отъѣхали было, итакъ ту ночь возлѣ крѣпости предъ нѣсколькими годами разоренной, называемой *Вердеръ*, ночевали.

На другой день, который былъ пятый іюня, ѣхали мы въ колясках и на лошадяхъ пять миль къ одному мѣсту между *Перновомъ и Вердеромъ* лежащему, въ провожденіи 40 рейторовъ и несколько стрѣльцовъ.

Шестаго числа прибыли *въ Перновъ*, переѣхавъ еще пять миль, гдѣ надѣялись, что будемъ имѣть доброго хозяина, который бы нѣкоторое удовольствіе намъ оказалъ, и что домы будутъ ради насъ такія, въ коихъ можно бы было отъ почныхъ трудовъ свои силы нѣсколько успокоить: однако обманулись въ надеждѣ, ибо какъ скоро пріѣхали мы туда, вышли тотъ часъ на встрѣчу намъ два приставы (которыя провожать должны были насъ, и записать всякіе къ необходимости нашей нужныя вещи). Запрещая въѣзжать въ городъ, для чего поставили они предъ воротами весма много часовыхъ, дабы воспятить намъ входъ: и отведены намъ постоялые дворы въ предмѣстіи: и лишъ только ступилъ я ногою чрезъ порогъ, тотъ часъ загорѣлся мой покой, и сгорѣлъ

---

[1] Wigk.

[2] Pernoviam.

весь вдругъ, такъ что насилу я самъ выхватился, а платье нѣкоторое, шпага, копіе и другія вещи погорѣли, и ежели бы имѣнія наши не оставлены были на корабляхъ, то бы все пропало.

Что видя начали мы разсуждать, гдѣ бы можно было намъ въ безопасности пребыть; и по долгомъ размышленіи за необходимость почели дожидаться на корабляхъ до тѣхъ поръ, пока не приведены будутъ лошади къ дальному насъ препровожденію, но сіе намъ не дозволено было, и сверхъ того часовые на морскомъ берегу поставленные не допущали до того, что мы хотѣли дѣлать, чего ради и хотя не хотя расположились мы лагеремъ на полѣ за городомъ до третьяго дня.

Тамъ будучи совершенно увѣдали, что слухъ, который носился о Шведахъ и доходилъ до насъ прежде того, справедливъ былъ. Ибо были они на сихъ дняхъ съ малымъ числомъ войска въ предмѣстіи, гдѣ Россіяне на нихъ изъ города легкое имѣли съ ними сраженіе и претерпѣли не малый уронъ, ибо побито Шведами Россіянъ восемдесятъ.

Девятаго числа отъѣхали мы оттуда въ провожаніи ста стрѣльцовъ и дватцети рейторовъ, и уѣхавши милю перепочевали на поли, какъ то намъ и часто случалось.

Слѣдующаго дня, то-есть десятаго числа іюня, переѣхавши семь миль, почевали въ лѣсу.

Первагонадесять числа прибыли къ городу *Вилину* [1], который отстоитъ въ семи миляхъ отъ вышепоказаннаго мѣста. Здѣсь на дорогѣ встрѣчены мы были Россіанами со сто стрѣльцами и нѣсколькими рейторами.

И понеже въ городъ не впускали насъ, для того остановившися на полѣ за городомъ, простояли мы тамъ восемь дней, потому что ни лошадей, ни кибитокъ не могли достать, хотя ежедневно обнадежевали насъ тщетно скорымъ отправленіемъ: которые однажъ всѣ ихъ обнадеживанія были несправедливы.

Здѣсь за достойное дѣло почитаю упомянуть о томъ, что премногіе Лифляндскія жены приносили на рукахъ своихъ маленкихъ ребенковъ къ пастырю, желая ихъ окрестить, что и послѣдовало: ибо чрезъ всю нашу бытность тамъ крестилъ нашъ па-

---

[1] Yelinum.

стырь больше пятидесяти пяти душъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже были больше двухъ лѣтъ; сіи можетъ быть лишились бы крещенія, ежели бы насъ тамъ не случилось.

Смотря на такое сихъ людей бѣдное состояніе, должны мы благодарить всесильнаго Бога за его къ намъ милосердіе, что въ нашихъ государствахъ слово его чисто и ненарушимо сохраняется, и что наши церквы украсилъ онъ исповѣданіемъ таинъ крещенія и причащенія, чего бѣдные Лифляндцы за прежнія свои беззаконія лишаются: чего ради всѣмъ сердцемъ желать намъ должно всегдашняго пребыванія съ нами духа, который бы просвѣщалъ сердца наша, дабы мы свято хранили оное слово данное намъ язычникамъ по милосердію, и дабы худымъ житіемъ и худыми дѣлами не лишились онаго.

Осмагонадесять числаіюня выѣхали изъ Вилина, и уѣхавши четыре мили, стали на полѣ, гдѣ встрѣтили насъ Россіяне съ 200 стрѣльцами и со 100 рейторовъ: и понеже въ томъ мѣстѣ опасно было по причинѣ множества непріятелей недалече оттуда находившихся, для того встрѣтили насъ на дорогѣ 1000 рейторовъ татарскихъ со ста стрѣльцами, которые всѣ для защищенія насъ отъ непріятелей, ежели бы напали, посланы были; возлѣ того мѣста находится крѣпости *Гелмондъ,* [1] *Нуече* [2] *и Каркисъ,* состоящія еще подъ властію *Великаго Князя.*

На другой день поутру весма рано, около втораго часа, выступивши изъ лагера поѣхали прямо въ *Дорбатъ,* [3] переправившись чрезъ море *Галетеферс* [4] и уѣхавши того дня шесть миль, стали при рѣкѣ.

Оттуда 20 числа поѣхали рано, и переѣхавши семь миль прибыли въ *Дорбатъ.* Сей городъ каменною стѣною обнесенъ и каменные домы подѣланы въ немъ, такимъ образомъ по сказкамъ какъ городъ Любекъ выстроенъ, хотя всѣ почти строенія теперь развалились, уже и опустѣли; и понеже въѣхать намъ въ оной не дозволили, для того стали мы лагеремъ въ одной деревнѣ за полмили отъ города отстоящей, гдѣ подъ деревьями отдыхали,

---

[1] Helmodt.
[2] Nuege.
[3] Tarbatum.
[4] Halstefebre.

потому что никакого не было выгоднаго мѣста на постоялыхъ дворахъ; между тѣмъ попричинѣ сей, что Шведы на самыхъ тѣхъ дняхъ всю дорогу отъ Вилина до Дорбата непріятельскою своею силою заняли, и не малый вредъ дѣлали, не хотѣли они насъ по прямой дорогѣ весть, но повели другимъ путемъ чрезъ нѣсколько миль, по мѣстамъ, буграмъ, лѣсамъ и озерамъ, съ великимъ вредомъ и убыткомъ лошадей и имѣній нашихъ.

За прибытіемъ нашимъ туда узнали мы, какое Шведы съ Россіянами незадолго предъ тѣмъ временемъ, когда мы въ Перновѣ были, сраженіе имѣли; сіе происходило такимъ образомъ: они изъ крѣпости *Уберполенъ* (которая недавно стала быть во владѣніи Короля Шведскаго) ночью тайно ушли въ *Дорбатъ* ради добычи; куда пришедши, все предмѣстіе великое и богатое зажгли; видя сіе, Россіяне въ городѣ бывшіе вышли противъ ихъ: Шведы же меншимъ числомъ будучи въ разсужденіи оныхъ, обратились въ бѣгство, тѣ погнавшися за ними достигли, и взяли въ полонъ сорокъ Шведовъ. Россіяне получа сію побѣду, вздумали далѣе итти съ войскомъ своимъ, и пошли прямо въ Уберполенъ въ числѣ четырехъ тысячь. Дошедше туда, думали, что все по ихъ желанію исполнилося, и никакой уже не оставалось опасности въ совершеніи того, чего имъ хотѣлось, однако противъ чаянія ихъ слѣдующее съ ними послѣдовало несчастіе: Шведы, видя ихъ приходъ, и желая воинскою хитростію обмануть, побросали предъ воротами сосуды съ вещми, изъ Дорбата унесенными, подая чрезъ то непріятелемъ надежду къ возвращенію потеряныхъ своихъ имуществъ, и притворяясь быдто они по причинѣ внезапнаго непріятельскаго нападенія тѣхъ вещей въ крѣпость внесть не успѣли, а сами между тѣмъ скрылись въ лѣсу недалече отъ крѣпости: ибо то мѣсто было окружено рощами, лѣсомъ густымъ деревьемъ, такъ что весма легко можно было укрыться отъ непріятелей. Россіяне, сего не примѣтя, съ жадностію прискочили къ добычи и потеряннымъ вещамъ, и начали ломать сундуки, сосуды и прочее, поя побѣдную пѣснь прежде побѣды. Шведы, видя сіе, выскочили изъ лѣсу, и въ самомъ томъ ихъ дѣлѣ напавши на нихъ, ранили били и кололи, такъ что изъ четырехъ тысячь насилу три остались, ежели можно повѣрить тѣмъ, которые намъ сіе разсказывали: ибо они подъ властію Россійскою были.

Оттуда отъѣхали мы 22 числа іюня въ *Плесковъ*, отстоящій отъ Дорбата въ 25 миляхъ, и уѣхавши шесть миль первой ночи, такъ какъ и другой, подъ деревьями почевали.

Поутру 23 числа рано опять отправившись въ путь, семь миль уѣхали, и слѣдующаго дня то-есть въ день Іоанна крестителя прибыли въ *Плесковъ* въ семи миляхъ отъ показаннаго мѣста, по которой дорогѣ проходили тогда весма многіе Татара люди безобразные, которые толпами шли, собираясь въ Лифляндію противъ Шведовъ и Поляковъ: всѣ они были конные и пѣшіе воины, никакихъ не имѣющіе при себѣ воинскихъ орудій, кромѣ однихъ луковъ: Россіяне сказывали, что ихъ было больше пяти тысячь, а еще дватцать тысячь въ слѣдъ за ними отправятся.

Сіи весма великіе труды сносить могутъ голодъ, также и жажду претерпѣвать въ состояніи; всѣ нужные съѣстные запасы съ собою носятъ безъ тѣлегъ, ядятъ мясо лошадиное, для того привязываютъ оное въ дорогѣ къ сѣдлу. Сверхъ того они идолопоклонники, житіе провождаютъ въ сластолюбіи, имѣя женъ сколько хотятъ: я съ однимъ чрезъ толмача разговаривалъ, который сказывалъ, что онъ въ то время десять женъ имѣлъ, нѣмецкихъ, россійскихъ и татарскихъ.

Того дня ѣхали мы мимо озера *Пебсъ* называемаго, которое въ длину есть 20 миль, и въ ширину столько жъ; въ оное впадаютъ семьдесять двѣ рѣки, а изъ него выходитъ одна и течетъ въ *Нарву*.

Были также на томъ мѣстѣ, на которомъ Россіяне съ Лифляндцами за сорокъ лѣтъ назадъ войну имѣли; сіи одерживали тогда побѣду, побивши оныхъ четыре тысячи: съ того времени здѣланъ тамъ курганъ для вѣчной памяти тоя войны.

И ходилъ въ монастырь называемыи *Ибдокъ* [1], смотрили на образы ихъ, однако не дозволили намъ войти въ храмъ, хотя двери отворены были, потому что думали про насъ, якобы мы недостойны во святая святыхъ войти.

Притомъ слышали, мы что недалеко оттуда находится еще другій монастырь весма великій и богатый, имѣющій въ себѣ триста черицовъ, въ томъ монастырѣ церквы не видно, потому что она въ земли стоитъ: сіи черицы всегда молятся и постятся по обыкновенію своему. Великій Князь уволилъ ихъ отъ всего, многіе деревни жаловалъ, и свободилъ отъ всякой работы, такъ что подданные ихъ уволены отъ воинскихъ службъ и податей: чего ради непрестан-

[1] Ibdogk.

но Бога молятъ о полученіи ему побѣды, наипаче въ Лифляндіи. И онъ ихъ содержитъ въ мѣсто храма, оттуда Божественные отвѣты получить можетъ. Хотя же желали мы посмотрить сего монастыря, однако краткость времени не допустила насъ того.

За прибытіемъ нашимъ въ Плесковъ, отведена намъ квартира въ предмѣстіи: (ибо въ городъ въѣхать не дозволено) въ которой должны были всѣ мы до тѣхъ поръ пребыть, пока не дали бы извѣстія Князю о пріѣздѣ нашемъ, и запрещено намъ, дабы ни единъ изъ насъ и слугъ нашихъ не выходилъ никуда. Сверхъ того хотя мы недостатокъ въ напиткахъ имѣли, однако ничего не дозволяли намъ покупать у трактирщиковъ по близости живущихъ: также слышали о жестокомъ наказаніи одного за то, что только нѣсколько молока продалъ слугамъ, но мы нѣкоторое удовольствіе получили, и приставы, которые къ намъ приставлены были, нужныя для насъ вещи доставали хотя съ великимъ трудомъ: потому что много обѣщаютъ, однако не все исполняютъ было. Они такіе ненадежные и несправедливые люди, что ни въ чемъ имъ вѣрить нельзя, на обѣщанія ихъ полагатися не можно, и не почитаютъ застыдъ обманывать, лгать и воровать: ибо всякаго дня воровали цѣлую почти половину приносимыхъ намъ съѣстныхъ припасовъ, пива и меду, не опасаясь, что мы провѣдаемъ и обличимъ ихъ въ воровствѣ: сверхъ того задерживаютъ было у себя ежедневно иногда больше, иногда меньше лошадей и колясокъ для насъ опредѣленныхъ, и оные чиновникамъ, которые о пути старались, отдавали за деньги не въ нашу пользу, потому что слуги наши неоднократно принуждены были пѣшкомъ ходить. Я думаю, нѣтъ во всемъ свѣтѣ безстыднѣйшихъ людей отъ сихъ, о которыхъ здѣсь мною упомянуто.

Сіе о состояніи ихъ объявилъ, теперь обращусь къ иному: городъ оный стоитъ на ровномъ мѣстѣ, каменными стѣнами и башнями окруженъ, и рвами окопанъ: оттуда переѣзжаютъ въ Нарву чрезъ рѣку, подлѣ города текущую, которая впадаетъ въ озеро Пебсъ. Тамъ великое множество находится воску, полотна и пеньки; въ томъ мѣстѣ опредѣленъ, кажется, для сихъ вещей весма богатый купечественный торговый городъ. Сверхъ всего того церквей въ немъ триста, и сто пятьдесятъ монастырей, по сказкамъ тѣхъ, которые число оныхъ совершенно знаютъ. Все строеніе тамъ каменное, богатое, которое городу многое великолѣпіе придаетъ украшеніемъ башенъ, бѣлымъ железомъ покрытыхъ.

Мы думали, что въ семъ городѣ полмѣсица проживемъ, однако 28 числа объявили намъ приставы въ вечеру о полученіи ими тогоже дня писемъ, чрезъ которые званы мы были въ *Новъ-городъ*, отстоящій отъ Плескова за тритцать пять миль, чего ради выступили оттуда 30 числа, и семь миль уѣхавши почевали на полѣ: другаго же дня пять миль, третіяго семь, четвертаго шесть миль перебѣжали, сего четвертаго дня прибыли къ Илменскому озеру, въ длину на десять, въ ширину на восемь миль простирающемуся; оттуда пріѣхали мы на корабляхъ до самаго Нова-города.

Тамъ около одной деревни есть соляныя варницы, у города *Новая Россія* называемаго; на которое ежели посмотрить, кажется, что они отъ Всесильнаго Творца удивительно устроены, ибо въ предреченномъ озерѣ такъ какъ и въ другихъ рѣкахъ сладкая вода; недалече же отъ того мѣста соленое озеро находится, оттуду весма довольно твердой соли достаютъ и варятъ, такъ что Россіяне и малѣйшаго недостатка въ соли не имѣютъ. Есть и другіе еще соляные заводы недалече отъ Нова-города, и въ другихъ мѣстахъ, что мнѣ подлинно удивительно казалось, напаче для того, понеже многократно отъ своихъ слыхалъ, которыя думали, быдто соли нѣтъ, потому что она окружена моремъ, и что въ Нарву воспященъ проходъ, однако я самымъ опытомъ дознался, что то мнѣніе несправедливое.

За прибытіемъ нашимъ туда, привели насъ въ магистратской домъ, который прежде былъ *убитаго брата Московскаго Царя*, деревянной, какіе и во всемъ томъ городѣ, и другіе домы во всей Росіи находятся, и тотъ часъ запрещено намъ, дабы никто изъ насъ въ другіе домы не ходилъ: сіе весма печально было для насъ, потому что не имѣли дозволенія покупать то, въ чемъ была нужда. Однако сей городъ первой такой былъ, въ которомъ насъ на дворъ пустили, съ того времени, какъ мы выѣхали изъ *Есиліи* [1] провинціи владѣнія короля нашего, отстоящей оттуда за сто двѣнатцать миль кромѣ Плескова, гдѣ мы три ночи въ предмѣстіи того города почевали.

Здѣсь будучи услышали, что Крымскіе татары со многотысячнымъ числомъ войска стоятъ недалече отъ Москвы, и хотятъ на Россію напасть, чего ради Великій Князь заблагоразсудилъ,

---

[1] Oesiliam.

оставилъ Москву, переѣхалъ въ крѣпость *слобода* называемая, гдѣ бы могъ отъ нападенія татаръ въ безопасности находиться, приводя на память тотъ уронъ, который за восемь лѣтъ прежде того претерпѣлъ отъ нихъ; ибо всю почти Москву опустошили они, сожегши сорокъ тысячь дворовъ, также истребивши огнемъ и побивши двѣсти тысячь Россійскаго народа.

Кто можетъ противитися Богу, и великому Новуграду; такова сила города сего пребывала до того дня, въ который здѣлалась между правителями ненависть и распря, для отвращенія чего учредили надъ собою судіею Московскаго Царя; сей, защищая сторону простаго народа, утѣснилъ знатнѣйшихъ, и завладѣвши городомъ здѣлался Государемъ.

Что до строенія онаго надлежитъ, изрядно здѣланъ по россійскому обычаю, украшенъ храмами и многими монастырями, стоитъ на веселомъ мѣстѣ гладкомъ, и изобилующемъ со всѣхъ сторонъ хлѣбомъ, сверхъ того имѣющемъ зеленѣющіе луга, рыбныя ловли, озера, рѣки и всѣ угодія.

Здѣсь также не должно умолчать о томъ городовъ, селъ и деревень между Перновомъ и Новогородомъ раззоренія, и причинѣ онаго: лѣтъ съ восемь, помнится, спустя тому назадъ, возъимѣлъ Великій Князь нѣкоторое подозрѣніе на роднаго своего брата, въ томъ бытто бы онъ хотѣлъ его обмануть, и коварство нѣкоторое здѣлать, что было ли такъ, Богъ вѣсть; почему пригласивши его къ себѣ далъ ему ядъ, по пріятіи котораго тотъ заболѣлъ и умеръ; потомъ выбравъ триста начальниковъ далъ имъ власть надъ животомъ человѣческимъ и смертію, такъ же надъ имѣніями, домами и всѣми пожитками.

Сіи по всей той дорогѣ отъ Москвы до Плескова разъѣзжали, весма много домовъ раззорили; мужей, женъ и дѣтей побили самопроизвольно, купцовъ разграбили, пруды повыкопывали и жгли рыбу; словомъ сказать, все въ такое смятеніе привели и опустошили, что не только смотрѣть, но и говорить о семъ грустно; ибо ежели бы приставы не достовали намъ со стороны нужныхъ къ препитанію съѣстныхъ запасовъ, то бы всѣ съ голоду померли; такъ были недостаточны тамошніе люди, что ни одного яица не могли мы и за деньги достать, кромѣ нѣкоторыхъ весма не многихъ мѣстъ.

Къ тому же еще созвалъ Царь въ тоже время великое множество людей въ Новъ городъ подъ тѣмъ видомъ, яко бы хотѣлъ

съ ними о важныхъ дѣлахъ говорить, куда когда пришли, велѣлъ всѣмъ собраться на мостъ при городѣ стоящій, который мы ежедневно видали, а какъ скоро взошли на оный бросилъ всѣхъ стремглавъ въ рѣку, побилъ и потопилъ многія тысячи людей, на которыхъ подозрѣніе имѣлъ, бытто бы они согласники были брата его, отравленаго прежде отъ него: и что большаго удивленія достойно, толикое множество народа потоплено, что рѣка оная сверхъ чаянія всѣхъ наполнена была трупами, и такъ набита, что прежняго теченія своего не могла имѣть, но потекла на зеленѣющіе луга, и плодоносные поля, и влажностію своею все помочила: Сіе хотя невѣроятно кажется, и отъ правды далеко отстоитъ, однако бытто бы такъ точно оно было; я слышалъ въ Россіи отъ достовѣрныхъ людей, а именно отъ тѣхъ, которые еще подъ властію Московскаго Царя въ Новѣ городѣ живутъ, а иначе бы не написалъ я здѣсь.

Во время пребыванія нашего въ семъ городѣ приставы наши всегда насъ ненавидѣли, о чемъ здѣсь не умолчать, но паче упомянуть достойно, дабы показать добронравнымъ, сколь жестокими кажутся варвары сіи къ нѣмцамъ, когда нѣкоторую власть надъ ними имѣютъ; ибо по прошествіи четырнацати дней, чрезъ которые безперемѣнно содержались подъ карауломъ, пришли къ намъ съ увѣдомленіемъ о прибытіи куріера того же дня съ Москвы, который по повелѣнію Великаго Князя объявилъ, что вольно намъ со слугами своими, куда хотимъ, ходить и покупать, что надобно, сіе для насъ весма радостно было; ибо безмѣрно желали, засидѣвшись на одномъ мѣстѣ чрезъ столько времени, проходиться и проѣздиться, почему на другой день попросили мы чрезъ толмача, чтобы приготовили они намъ лодки для переѣзду чрезъ рѣку подлѣ города текущую, и дабы позволили стрѣлять птицъ, когда по случаю попадутся, въ чемъ тотчасъ отказали.

И не въ семъ только показали они намъ свое недоброжелательство, но еще когда на третій день хотѣли мы проходиться на одномъ равномъ мѣстѣ не далеко отъ квартиры нашей отстоящемъ, то тотчасъ пошедши за нами обвинили насъ и запретили насъ, бы мы впредъ того не дѣлали, сказывая, что Государь позволилъ намъ нужныя только вещи покупать за деньги, и что однимъ слугамъ нашимъ дана свобода затѣмъ выходить, а намъ воспящена.

Услышавъ такія рѣчи, отвѣчали имъ, что мы отъ Его Величества нашего Короля присланы къ Великому Князю Московскому

для отправленія нѣкоторыхъ дѣлъ намъ порученныхъ, и сіе здѣлалось по прошенію Князя, который неоднократно просилъ Короля объ отправленіи къ себѣ пословъ, а не для того пріѣхали, чтобы купечествовать, и потому дивно намъ кажется, что вы то намъ запрещаете, что слугамъ нашимъ позволили. Мы не привыкли дома всегда сидѣть, но паче забавляться дѣлами нѣкоторыми здоровью полезными: мы ничего больше не желаемъ, какъ только одного позволенія пріѣхать въ Москву; ежели же тому сдѣлаться нельзя, то и не можно намъ запретить, чтобы мы изъ дому никогда не выходили и не можете содержать насъ за невольниковъ: ежели же сверхъ чаянія и противъ данныхъ договоровъ такого вы объ насъ мнѣнія (ибо содержали они подъ карауломъ), то мы хотимъ о семъ быть увѣрены; притомъ говорили мы имъ, что ихъ посланникъ, который недавно посыланъ былъ къ нашему Королю, не былъ содержанъ у насъ подъ карауломъ такъ, какъ мы тамъ, и ни малѣйшаго утѣсненія не имѣлъ, но великолѣпно угощали его, въ каретѣ, куда хотѣлъ, ѣздилъ, въ компаніи съ прошеніемъ званъ, и въ оныхъ съ удовольствіемъ принимаемъ былъ; чему удивляться должно, что они за такое ихъ доброхотство ни мало не старались имъ возблагодарить.

О такихъ нашихъ рѣчахъ ни мало не разсуждая, отвѣчали они намъ, что мы уже у нихъ находимся, почему должны ихъ волю исполнять, и поступать по ихъ повеленію, понеже во всякомъ государствѣ особливыя обыкновенія, которымъ послѣдовать всякъ долженъ; притомъ за извѣстный намъ примѣръ представляли то, что все само чрезъ себя за водою плыть должно, а не противъ воды.

Сіе и сему подобное услышавъ, въ такое огорченіе пришли мы чрезъ обхожденіе ихъ, что не только описать, но и словомъ изъяснить не можно; притомъ видя, что насъ тамъ столько времени задерживаютъ, гдѣ непрямо поступали съ нами какъ съ плѣнниками, стужали мы, чтобы позволили намъ послать къ Царю вѣстника съ увѣреніемъ нашего желанія прибыть къ Его Величеству; они и до сего не хотѣли допустить насъ, объявляя, что о пріѣздѣ нашемъ Царь уже извѣстенъ, который по своей воли насъ удержать и отпустить имѣетъ и сверхъ того сказывая, что все состоитъ въ силѣ Бога и его. Таковъ отвѣтъ получа успокоились мы, и жили въ уединеніи со скукою; ибо чрезъ все время нашего тамъ пребыванія никто не посѣщалъ насъ кромѣ двухъ бояръ, мужей престарѣлыхъ, которые съ начала казались весма важны,

по понеже грубы были нравами, для того какъ они себя вели передъ нами, легко можно всякаго увѣрить, дабы показать ученому свѣту, какое у нихъ грубіянство, и сколь они мужиковаты и невѣжливы, какъ волы и ослы.

Ибо 19 числа мѣсяца Іюля, въ вечеру, пришли къ намъ передъ ужиномъ, сѣли съ нами за столъ, потомъ когда досыта наѣлись, и довольно напились, меду по своему обычаю, поставили мы на столъ сыръ, который какъ скоро увидѣли они и отвѣдали, стали насъ просить, чтобъ имъ весь отдать, въ чемъ и удовольствовали мы ихъ прошеніе: они получа отъ насъ сыръ, велѣли тотчасъ слугамъ своимъ спрятать; послѣ того поданы были заѣдки сахарные, гранатовые яблоки, смоквы, винныя ягоды, имбирные приправы и другіе симъ подобные изъ Даціи вывезенные, тѣ всѣ закуски до сытости ѣли, а что осталось на блюдцахъ, то все унесли съ собою, завязавши въ платки; помоча пальцы въ похлѣбку съ омерзеніемъ облизывали какъ малые ребенки или нищіе, которые предъ дверми просятъ милостыни; хотя же и довольно представлено было имъ пива и меду, однако мало для нихъ то казалось, но просили еще нашихъ напитковъ, рейскаго вина, или другаго, въ чемъ также не отказали мы, и подали имъ краснаго амеканту, [1] котораго какъ прикушали, пили другъ до друга съ поцѣлуями, ибо при поданіи изъ рукъ въ руки стакана одинъ другаго цѣловали.

И не только сіи такое неучтивство оказывали, но тоже самое и у другихъ ежедневно видѣли мы: приходятъ было къ намъ всякаго дня трубачи для представленія по своему обычаю комедіи, которые въ играхъ многократно обнажали задницы и казали всѣмъ срамные части тѣла, падая на колѣнки и ягодицы вверхъ поднимая, безъ всякаго зазору и стыда.

Что также и женщины инокогда дѣлали; ибо стоя мы одного дня предъ своею квартирою на гладкомъ мѣстѣ съ многими слугами, видѣли недалече оттуда женъ, которыя на себѣ платье поднимали вверхъ, показывая намъ во окошки срамныя части переднія и заднія, и протягивая голые ноги изъ окошка то правую, то лѣвую, то задницы, то другія мѣста, не взирая и на присудствіе приставовъ.

---

[1] Allcant.

Отсюда видѣть можно и подлинно явствуетъ, что сей народъ весма грубъ и развращенъ нравами, такъ что ежели съ другими добронравны соравнить, то оной посмѣяніемъ можетъ быть, какъ такой, которой ни мало или немного отъ скотовъ разнствуетъ.

Послѣдняго числа того мѣсяца пришелъ къ намъ приставъ нашъ Ѳедоръ, [1] мужъ старой и важной, съ которымъ разговаривалъ я о вѣрѣ ихъ, и когда между разговорами пришла по случаю рѣчь о грѣхѣ противъ Духа Святаго, причемъ онъ говорилъ, что всякъ можетъ спастися, хотя бы безмѣрное множество грѣховъ имѣлъ, ежели по крайней мѣрѣ однажды вознамѣрится покаятися.

То я противное держа мнѣніе, говорилъ: правда, что всякой грѣшникъ можетъ спастися, имѣя безчисленные и тяжкіе грѣхи, когда только покается и, вѣруя въ Бога, будетъ просить помилованія: однако ежели противъ совѣсти безпрестанно будетъ грѣшить, лаская себя надеждою, что онъ въ свое время исправится, такой противъ Духа Святаго грѣшитъ, и сей грѣхъ ни въ семъ, ни въ будущемъ вѣцѣ не отпустится.

Сіе услышавъ, страннымъ образомъ отвѣчалъ онъ, что всѣ грѣхи отпустятся, и то слѣдующимъ примѣромъ доказать старался: Марія Магдалыня была весьма беззаконная блудница, много разъ прелюбодѣйствовала, и чрезъ то безмѣрно согрѣшила: однако понеже одного мужа въ нѣкоторое время встрѣтившагося съ нею (который просилъ ее о удовольствованіи любовной страсти, дабы ради Бога допустила она его къ себѣ) прошеніе удовольствовала, и тотъ желаемое получилъ, для того спаслася, и въ число святыхъ причтена, особливо по сей причинѣ, что въ томъ ему не отказала, но ради Бога позволила.

Сіе хотя весма непристойно, баснословно и по пустому сказано, однако понеже самъ онъ къ утвержденію вѣры своей такимъ образомъ говорилъ, для того заблагоразсудилось мнѣ о томъ здѣсь упомянуть, дабы увѣрить всѣхъ нашей земли, въ какомъ невѣжествѣ сіи люди пребываютъ, и какъ они не знаютъ и вовсе не понимаютъ священнаго писанія, приводя вмѣсто Евангелія враки и басни и почитая оныя за божественныя пророцанія. По сей причинѣ прилично кажется имъ слѣдующее слово пророка: понеже

[1] Fedder.

571984

не вѣруютъ правдѣ, того ради далъ имъ Богъ дѣйствующаго духа, дабы вѣровали лжи; и такъ когда не содержатъ слова Божіего за свѣтъ, для того ходятъ во тмѣ; такое сихъ бѣдное состояніе научаетъ насъ воистинну быть разумными, съ великимъ благоговѣніемъ и благодареніемъ хранить слово Божіе и весьма беречься, дабы не лишиться намъ онаго по нашему небреженію.

О другихъ же погрѣшеніяхъ ихъ и заблужденіяхъ молчу, которыя я въ прочіе дни во время пребыванія нашего въ Новѣгородѣ за ними примѣтилъ. Но понеже и церемоніи также ихъ по нѣкоторой части намъ извѣстны, для того за приличіе почитаю здѣсь нѣчто объ иныхъ упомянуть.

Перваго числа августа мѣсяца, когда пошли мы для прогнанія скуки прохаживаться, увидѣли издали много людей собранныхъ въ одно мѣсто подлѣ рѣки при городѣ, гдѣ и всѣ граждане были, вмѣстѣ также мужья и жены, изъ которыхъ иныя несли на объятіяхъ своихъ младенцовъ, а другія вели за руки отроковъ: кромѣ того множество тамъ было монаховъ и монахинь, куда пришелъ и архіепископъ, держа въ рукахъ крестъ, за нимъ слѣдовали священники и другіе церковники, и взошедши на мостъ нарочно для сего преуготовленный, по прочтеніи молитвы, благословилъ рѣку, и такою церемоніею освятилъ воду, по обычаю папистовъ; по отправленіи чего, бросились въ рѣку при всѣхъ многіе мущины, платье скинувши, голые, и не закрывши срамныхъ частей тѣла, не стыдясь дѣвицъ и женъ: и сіи также дѣтей своихъ, и образы тою жъ священною водою окропляли и обмывали: и такимъ образомъ тотъ день праздновали.

Не знаю право, прилично ли здѣсь объявить, какъ они при варепіи пива святыхъ на помощь призываютъ, и какіе притомъ употребляютъ церемоніи.

Когда воду въ бочку наливаютъ, держатъ при себѣ образъ привязанный къ долгой палкѣ, который въ бочку опущаютъ, и потомъ вынимаютъ тотчасъ; сіе такъ же дѣлаютъ и тогда, когда житной солодъ и хмѣль сыплютъ: что здѣлавши палку сверхъ поднимаютъ и образу оному съ колѣнопреклоненіемъ, поклонами и крестнымъ знаменіемъ поклоняются, такіе суевѣріе имѣютъ, и такъ симъ излишествомъ заворожены, что безъ употребленія тѣхъ церемоній думаютъ весь трудъ ихъ будетъ недѣйствителенъ.

Упомянувъ нѣсколько о церемоніяхъ за нужное почитаю представить нѣчто о вѣрѣ ихъ, сколь я знаю изъ объявленія Россіанъ, изъ взаимныхъ съ ними разговоровъ, изъ поступковъ и другихъ объстоятельствъ.

Они почти папежскую вѣру содержатъ, поклоняются икопамъ, четыре въ году посты имѣютъ: первой отъ 6 недѣли Троицы до Петрова дня; другой предъ Успеніемъ Богородицы чрезъ 14 дней; третій чрезъ 6 недѣль предъ Рожествомъ Христовымъ; четвертый предъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ Христовымъ, чрезъ семь недѣль: въ сіи времена не ѣдятъ мяса, ниже коровья масла, но только рыбу, уксусъ, чеснокъ, коренья и другія тому подобныя вещи.

Таинства содержатъ, крещеніе и причащеніе, и въ обоихъ сихъ видахъ пріобщаются однимъ только краснымъ виномъ, а не другимъ родомъ.

Повседневно ходятъ въ церкви, и хотя двери заперты случаются, однако предъ оными крестное знаменіе на себѣ изображаютъ, на колѣнки падаютъ, и поклоны кладутъ до самой земли.

Въ присягахъ имени Бога, а въ проклятіяхъ діавола не призываютъ, но божатся и клепутъ именемъ матери, собаки, сукина и блядина сына, слѣдующими словами: поди къ матери, собака, сукинъ сынъ, блядинъ сынъ.

Священники у нихъ не ученые, только умѣютъ по-русски (ибо тамъ ни одного ученаго нѣтъ) и всѣ оные женаты, потому что холостаго не допущаютъ къ должности церковной; а сіе больше удивительно, что ежели у кого изъ нихъ жена умретъ, такого тотчасъ отъ должности отдаляютъ и не позволяютъ ему въ другой разъ женитися, развѣ привратно станетъ жить; платье носятъ они на подобіе грековъ, волосы долгіе имѣютъ, и бородъ не брѣютъ, проповѣдей никогда не говорятъ, но ежедневно Евангеліе читаютъ, и пѣсни священныя по своему обычаю поютъ, субботы не хранятъ, но по отправленіи обѣдни, которую въ самой скорости поютъ, за купеческія дѣла принимаются и въ другихъ трудахъ начинаютъ упражнятися.

Церквы ихъ украшены многими икопами, которыя какъ скоро увидятъ, тотчасъ покланяются онымъ; также всякъ изъ нихъ содержитъ по домамъ образы, и симъ особливую честь воздаютъ; на грудяхъ носятъ крестъ, и почитаютъ оный по своему обычаю.

Не пропущу здѣсь того, что я многократно разговаривалъ съ ихъ священниками и боярами о вѣрѣ и обрядахъ, и доказывалъ, что святымъ ни подъ какимъ видомъ молитися не надобно, ссылаяся въ семъ на священное писаніе, и приводя изъ многихъ мѣстъ свидѣтельства, а именно изъ 20 главы Исхода, изъ 5 главы Второзаконія: не дѣлай кумировъ, не покланяйся имъ, и не почитай оныхъ; также изъ 44 главы Исаія, который жестоко ругаетъ тѣхъ, которые дѣлаютъ образы, притомъ изъ 6 главы Варуха, 115 псаломъ, наконецъ изъ посланій Павла къ Коринѳомъ: не принимайте идоловъ: сими доказательствами думалъ я уговорить ихъ, такъ что они мнѣ въ томъ повѣрятъ; но ни мало успѣлъ, и не имѣя отнюдь никакого основанія и доводовъ (ибо весма не кстати говорили о такихъ высокихъ вещахъ) одно только то отвѣчали, что какъ прежде ихъ образамъ поклонялися, такъ и сами они тоже будутъ дѣлать; притомъ говорили, что многіе чюдотворенія бываютъ, чѣмъ доказывали храненіе должнаго почитанія иконъ, и приводили на то примѣръ всякому извѣстный, что князи мира сего имѣютъ при себѣ канцлеровъ, сенаторовъ и секретарей, которыхъ подданные должны просить прежде, нежели допустятъ къ онымъ и чѣмъ больше у князей довѣренности имѣютъ сіи чиновники, тѣмъ скорѣе могутъ просителямъ ихъ по дѣламъ исходатайствовать отъ нихъ милость.

На что отвѣчалъ я имъ слѣдующее: разсуждая о вещахъ небесныхъ, не должно присовокуплять къ земнымъ: мы имѣемъ заповѣдь одного Бога въ Троицѣ почитать, а не святыхъ; притомъ не признаемъ никого другаго примирителя между Богомъ и человѣкомъ кромѣ одного Іисуса Христа, такъ же имѣемъ доступъ къ Отцу чрезъ Сына, а не чрезъ Петра, Павла, Николу или другаго кого, и намъ запрещено отъ Бога поклонятися кумирамъ; да и первая заповѣдь не велитъ призывать Боговъ чуждыхъ, почему опровергалъ я иконопоклонничество.

Симъ утвержденіемъ заградилъ имъ уста, такъ что не могли ничего мнѣ на то отвѣчать, почему съ великимъ гнѣвомъ промолвили они потомъ слѣдующія слова:

Часто такихъ въ темницы заключали и смертію казнили, которые говаривали предъ симъ хулныя рѣчи о иконахъ угодниковъ Божіихъ; и то также весьма извѣстно, что Лютеръ со всѣми своими сообщниками осужденъ, а тѣ спаслись, кои святыхъ на помочь призывали; да и много притомъ есть примѣровъ въ Россіи,

какъ и теперь въ Новѣгородѣ, гдѣ и по нынѣ, ежели только можно увѣриться на ихъ словахъ, содержатся мертвыя тѣла, погребенныя за долго времени прежде сего, однако не согнившія, такъ что всѣ видѣть могутъ голову, шею, грудь, плечи и руки, откуда весьма легко заключить можно, что оные мужи благочестно жили, и къ числу святыхъ причтены. Я сіе слыша пересталъ съ ними спорить, и опасаясь ихъ угрожепія, послѣ того времени ниже упоминалъ когда о иконахъ, но замолчалъ навсегда.

Въ семъ городѣ прожили мы тогда противъ воли нашей цѣлой мѣсяцъ и пять дней, а 4 числа августа, часу четвертомъ съ полночи, предъ восхожденіемъ еще солнца, приставы наши пришедши въ мою квартиру стучали въ двери, и просили чтобы имъ отворить, чему не могъ я довольно надивиться, понеже никогда прежде того не приходили они ко мнѣ такъ рано, ибо я еще тогда лежалъ на постели и спалъ; когда двери имъ отворили, то подошедши тотчасъ къ моей кровати, объявили мнѣ, что они получили повелѣніе скоро отправить насъ въ Москву, почему приказали намъ ни мало не медля собиратися въ путь, и притомъ говорили, что имъ поручено выступить изъ Новагорода съ нами того же дня подъ опасеніемъ смертной казни за неисполненіе того.

Давно уже готовъ, сказалъ я имъ послѣ того и ничего больше никогда не желалъ, какъ одного отъѣзда, котораго и прежде долго дожидался, почему за мною и теперь ни малѣйшей остановки не будетъ.

По объявленіи чего отошли они, обѣщая намъ въ самой скорости лошадей и коляски промыслить; но понеже великій недостатокъ въ лошадяхъ тамъ былъ, для того не могли мы оттуда выѣхать прежде втораго часу послѣ полудня, а во второмъ часу сѣдши на судно съ весма немногими слугами отъѣхали въ Броницы, которое мѣстечко отстоитъ отъ Новагорода за четыре мили морскія; прочіи же въ колескахъ и на лошадяхъ сухимъ путемъ поѣхали, и переѣхали восемь миль въ томъ же мѣстѣ и той же почи почевали съ нами.

На другой день весьма рано, отправившись опять въ путь, прибыли мы въ Зайцовъ, [1] переѣхавъ семь миль, отсюда въ Крестецкой

---

[1] Saitze.

ямъ, [1] и въ тотъ день восемь миль перебѣжали, потомъ въ Яжелбицы [2] за восемь миль отъ того мѣста отстоящіе.

До сихъ и отсюда до другихъ мѣстъ ѣхали мы съ великою трудностію, ибо коляски наши, подъ которыми лошади шли, весьма тяжело нагружены были поклажею, почему погонщики, оставивши все ушли, и такъ принуждены были слуги наши править лошадей чрезъ шестьдесятъ семь миль, потому что со всѣхъ городовъ, въ которыхъ мы ночевали, всѣ мужичи съ лошадьми и имѣніемъ своимъ разбѣжались, почему на тѣхъ же лошадяхъ въ Новѣгородѣ взятыхъ по нуждѣ должно было ѣхать намъ до самаго Торжка. [3]

Отчего сдѣлалось, что нѣсколько лошадей въ дорогѣ отъ жару и упряжекъ задушилось и пало, и слуги наши такъ изнурились, что насилу могли на ногахъ стоять, ибо не только по причинѣ долгаго и труднаго онаго пути, идучи пѣшіе изнемогли, но при томъ еще отъ голоду и жажды отощали, понеже отъ Новагорода до самаго Вышняго Волочка, чрезъ 83 мили, не давали имъ ни капли пива, меду, или другихъ какихъ напитковъ, но одну только воду бѣдные пили, съ великимъ неудовольствомъ, и молокомъ съ водою смѣшеннымъ, которое такъ же рѣдко гдѣ доставали, утоляли жажду: хотя же люди и лошади, такъ обезсилѣвшіе, не могли наконецъ такихъ трудовъ и такой нужды сносить, однако не взирая на то, не позволяли приставы нигдѣ постоять день, мѣста для отдышки, но безпрестанно понуждали ѣхать, представляя Государево повелѣніе, чтобы неотмѣнно поспѣть въ Москву 19 числа августа мѣсяца, чего нельзя преступить, несмотря ни на людей, ни на лошадей, вещи наши, ни на другое что.

При томъ когда отъ времени до времени, лучшаго ожидая, обманываемы были всегда мы надеждою, и во всѣхъ мѣстахъ тоже видѣли, то сіе подало намъ случай выговаривать приставамъ и принудить ихъ къ выстотченію лошадей, колясокъ, съѣстныхъ и питейныхъ запасовъ, чего ради созвавши оныхъ такимъ образомъ говорили къ нимъ: вы сами довольно знаете, какъ недавно предъ симъ въ Новѣгородѣ объявили намъ о полученномъ вами отъ

---

[1] Cretza.
[2] Iochelbitz.
[3] Torsoch.

вашего же Государя повелѣнiи, за силу котораго должно вамъ вести насъ прямо въ Москву, и сами же вы понуждали при томъ насъ, дабы какъ возможно скоро къ отъѣзду сготовились: сiе мы того жъ дня и сдѣлали: что же мы и слуги наши чрезъ нѣсколько уже дней въ такихъ худыхъ обстоятельствахъ находились, день на день ожидая лучшей перемѣны, то по си поры не хотѣли о томъ жаловаться, дабы не показать себя весьма нетерпѣливыми: но понеже день отъ дня еще хуже становится, съѣстные запасы уменьшаются, люди и лошади приходятъ въ крайнее разореніе, для того вышедши уже мы изъ терпѣнiя изъясняемся передъ вами въ семъ объявляя:

Что мы отъ Фридерика втораго Дацкаго короля посланы съ другими дворянами и слугами нашими, для отправленiя порученныхъ дѣлъ, не инаго ожидая, какъ должно выстатченiя намъ нужныхъ необходимостей къ содержанiю себя. Но сверхъ надежды терпимъ голодъ, жажду, въ лошадяхъ и погонщикахъ недостатокъ и другiя невыгоды, что намъ весьма удивительно кажется наипаче для того, понеже когда мы недѣль съ пять жили въ Новѣгородѣ, вамъ довольно было тогда времени къ заготовленiю въ дорогу нужныхъ намъ вещей; мы и слуги наши не привыкли всякой день воду пить, и тѣмъ долговременную жажду утолять и мы ихъ не для того съ собою привезли, чтобы погонщиками были и шли бы пѣшiе, но дабы услуживали намъ и приносили бы королю, государству и намъ честь, а не безчестiе, и столько у насъ денегъ, что ежели бы можно было нужныя вещи покупать, то бы и слуги наши не имѣли ни въ чемъ нужды, и самимъ намъ не было бы нужды просить у васъ даромъ, буде же такъ; и когда вы не признаете насъ ни за жидовъ, ни за турковъ, то мы весьма прилежно просимъ не иначе съ нами обходитися, какъ христiановъ, понеже вы такимъ образомъ называетесь: съ христiанами поступайте прилично, а инако озлобите Бога, великаго Князя обезславите, и нашему королю сдѣлаете досаду.

Мы и сами довольно знаемъ и видимъ, отвѣчали они потомъ намъ, что слуги ваши тяжко и много изнурены, однако не чимъ сего перемѣнить; при томъ будемъ стараться, не можно ли въ другомъ мѣстѣ достать лошадей свѣжихъ и побольше; сiе сказавъ отошли они.

Въ такомъ худомъ состоянiи мы во время посольства нашего находились; въ наступающiй день принуждены были за недостат-

комъ другихъ, на тѣхъ же лошадяхъ ѣхать далѣе, и съ великимъ трудомъ восемь миль переѣхавъ, прибыли мы въ село Едрово; за прибытіемъ нашимъ туда, тѣ которые должны были намъ лошадей промыслить, ушедши изъ села разбѣжались по лѣсамъ, а весьма немногихъ оставшихся приставы плѣтьми сѣкли, дабы выставили лошадей, такъ что и церковникъ безъ битья не обошелся, котораго такъ же не пощадили, чтобъ и онъ далъ отъ себя лошадь; однакожъ во всемъ томъ селѣ больше шести лошадей силою не могли набрать, да и тѣхъ на другой день, то-есть десятаго числа августа, увели они опять ночью на поля, почему на тѣхъ же изнуренныхъ лошадяхъ, которыя везли насъ туда отъ самаго Новагорода, ѣхали мы еще девять миль до города Коломны, оттуда 2-го числа отъѣхали, переѣхали пять миль, и прибыли въ Вышній Волочокъ съ великимъ урономъ лошадей; ибо весьма много оныхъ на дорогѣ пало.

По всей той дорогѣ всѣ почти деревни Московскій Князь разорилъ, такъ и по другой сторонѣ Новагорода, думая будто жители оныхъ съ убитымъ его братомъ согласились и о погубленіи его умышляли. Подлѣ вышепомянутаго села течетъ рѣка, по которой въ Тверь переѣзжаютъ, за двадцать шесть миль оттуда; сказываютъ также что недавно отъ того источникъ течетъ, откуда каналъ къ плаванію способный начинается даже до Новагорода.

12-го числа поѣхали мы оттуда и къ вечеру того же дня прибыли въ Выдропускъ переѣхавши семь миль. По сіе мѣсто Новгородская область простирается и начинается княжество Московское, котораго земля много различествуетъ отъ той вышеписанной, ибо она ровна, плодородна, спахана и довольно хлѣба вездѣ имѣющая.

Оттуда 13 числа августа ѣхали мы въ коляскахъ и на лошадяхъ въ Торжокъ, разстояніемъ отъ вышеупомянутаго мѣста въ семи миляхъ. Оной городъ стоитъ на ровномъ мѣстѣ и веселомъ, при рѣкѣ Тверцѣ; домы въ немъ деревянные по россійскому обыкновенію подѣланы. Здѣсь слуги наши жажду свою медомъ первый разъ нѣсколько утолили, которые долговременный уже голодъ и трудъ, какъ вышеупомянуто, сносили.

Оттуда 14 числа поѣхали мы и прибыли въ Тверь, за двѣнадцать миль отстоящій; сей городъ въ прежнія времена былъ

купечественный, торговый, весьма богатый, а нынѣ со всѣмъ обнищалъ и пришелъ въ крайнее почти убожество, потому что въ оном было жилище убитаго Князя, то-есть брата Великаго Князя; крѣпость была когда-то обнесена рвами, валомъ и каменною стѣною, но теперь такъ уже опустошенъ, что и слѣдовъ каменной стѣны не видно; оттуда переѣзжаютъ въ Казань и Астрахань, а послѣ въ Каспійское море чрезъ рѣку Волгу текущую на востокъ солнца.

Когда туда ѣхали мы, сказать не возможно, какую нужду терпѣли; ибо того дня съ утра до самаго вечера ѣдучи двѣнадцать миль уѣхали; приставы на дорогѣ все что къ съѣстнымъ запасомъ надлежало, говорили, что есть, но солгали, какъ и прежде часто: понеже ничего не было промышлено; сверхъ того изнуреннымъ намъ отъ голоду квартиры совсѣмъ разоренные, и непокрытые, гдѣ мы голодны и утруждены принуждены были до завтрешняго дня отдохнуть, что и неудивительно было намъ, ибо нигдѣ во всей Россіи не видѣли хозяина, на всѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ мы въѣзжали на дворъ, домы были пустые, и людей и скота не было въ нихъ, такъ что едва повѣрить могъ я, чтобъ нашлось какое государство не разоренное непріятелемъ, которое въ большой безпорядокъ приведено бы было, нежели сіе государство.

Дознали также мы, что слухъ о Московскомъ царѣ во многихъ мѣстахъ пронесшійся весьма несправедливъ, будто онъ такую строгость и жестокость къ подданнымъ своимъ имѣетъ, и въ такое рабство самымъ дѣломъ привелъ ихъ, что ни мало не смѣютъ противиться повелѣніямъ его, но ко исполненію всего готовы кажутся, ибо они паче упрямы, не послушны и ко всѣмъ порокамъ склонны, понеже приставы наши, ни лошади, ни коляски, ни погоньщиковъ не могли для насъ достать ни въ какомъ городѣ безъ бою жителей онаго, но всѣхъ плетьми, палками и батожьями били, до тѣхъ поръ пока не вытащатъ было намъ нужныхъ вещей, и не долѣе они слушались, какъ только пока могутъ было уйти на дорогѣ, сколько могли то сдѣлать или уводили данныхъ лошадей, или сами уходили; изъ сего видѣть можно, съ какою досадою и трудомъ сей долгій путь совершили мы, часто недостатокъ имѣя въ съѣстныхъ и питейныхъ запасахъ, въ квартирахъ, лошадяхъ, колясках, погонщикахъ и другихъ вещахъ, и чего изъяснить не могу, такъ приниманы будучи, что не можемъ долго забыть того угощенія.

Пятагонадесять числа выѣхавши изъ Твери, ѣхали мы до Городни шесть миль, оттуда потомъ до Клина десять миль, отсюда въ городъ Дмитровъ, прибыли 17 числа, восемь миль переѣхавши, въ которомъ крѣпость стоитъ, обведена каменною стѣною, здѣлана изъ древа, илу и дерну; откуда весьма рано поѣхали и ночевали въ Троицкомъ монастырѣ, который оттуда въ шести миляхъ отстоитъ; сей монастырь великъ, съ башнями и валомъ, и каменною стѣною обнесенъ, во всей Россіи самой знатнѣйшій, въ которомъ триста монаховъ по сказкамъ живутъ; озеръ, и при томъ, хорошихъ и густыхъ лѣсовъ, премного имѣетъ, почему то мѣсто весьма способное къ ловлѣ рыбы и звѣрей, и понеже крѣпость, Государева слобода (въ которой Царь для веселости мѣста часто живетъ), оттуда не далече, для того многократно пріѣзжаетъ онъ изъ слободы въ сей монастырь, ради принесенія моленія своему Богу. Гдѣ извѣстились мы, что самъ онъ тамъ въ вечеру былъ, и насъ туда звали, на что прислали намъ лошадей, для поѣзду въ Москву, почему мы по утру, весьма рано отправившись въ путь, переѣхали оттуда шесть миль, и въ первомъ часу послѣ полудня прибыли въ городъ 19 числа августа.

На дорогѣ встрѣтили насъ бояре и князья, со сто лошадьми, такимъ образомъ, какъ увидѣли уже мы крѣпость, показались издали намъ рейторы, къ которымъ подъѣхавши ближе узнали, что то тѣ, которые намъ на встрѣчу ѣдутъ; и такъ приблизившись къ намъ, прямо подъѣхали къ моей колескѣ, сказывая, что они отъ Великаго Князя Московскаго, всероссійскаго Царя высланы намъ на встрѣчу и для препровожденія въ показанную намъ квартеру.

Тотъ же, который говорилъ, именемъ болгеръ, [1] былъ слѣпъ на правый глазъ; сей попеже съ лошади не всталъ и ни какимъ образомъ меня не почтилъ, для того и я не оказалъ ему ни малаго почтенія, но въ колескѣ сидя слушалъ то, что отъ него было говорено. Онъ же примѣтя, что я съ коляски не хотѣлъ встать, велѣлъ мнѣ вылѣсть изъ оной; сіе я и здѣлалъ, ибо и самъ онъ вставши съ лошади пѣшкомъ шолъ; тогда прежнія слова повторилъ, которые прежде говорилъ мнѣ; я когда хотѣлъ по возможности моей отвѣчать и благодарить Государя за угощеніе въ пути намъ показанное, и о прочемъ, что казалось надлежать къ дѣлу,

[1] Bolher—вѣроятно «Болдюръ».

по силѣ ума своего упомянуть, то ни чего не позволено было мнѣ о семъ говорить, но велѣлъ въ коляску сѣсть, что какъ я здѣлалъ, поѣхали мы прямо въ городъ въ препровожденіи оныхъ, и въѣхали въ отведенную намъ квартиру.

Сей городъ отстоитъ отъ Новагорода за сто миль.

Въ вечеру около 9-го и 10-го часа, когда уже мы спать ложились, пришедши къ намъ тотъ же болгеръ, между прочимъ, сталъ спрашивать, съ добрымъ ли предпріятіемъ и намѣреніемъ пріѣхали мы, и просилъ, чтобы то ему объявили. На что отвѣчалъ я имъ:

Мы отъ его королевскаго величества къ Великому Князю какъ къ другу присланы, и намъ не другое поручено предложить, какъ только что принадлежитъ къ спокойному пребыванію Государствъ, ибо ежели бы за инымъ чѣмъ послать должно было, и когда бы король нашъ другихъ мыслей былъ о Московскомъ Царѣ, то бы конечно посланы были за тѣмъ люди подлѣйшіе насъ; таковъ отвѣтъ услыша, онъ наступалъ опять на насъ, чтобы ему объявить; на сіе сказалъ я, мы скоро надѣемся представлены быть Государю, что когда здѣлается, намѣрены самому ему о всемъ намъ порученномъ дѣлѣ донесть. Сіе услышавъ, отошолъ онъ, и слѣдующаго дня, то-есть 20 числа, опять къ намъ пришолъ, сказывая, что Государь велѣлъ на третій день намъ предстать предъ нимъ, и говорилъ притомъ то, что онъ усмотря простосердечіе наше и доброжелательство, пособлять намъ будетъ совѣтомъ своимъ, и наставитъ, какъ и какимъ случаемъ къ такому Князю доступить удобно бы могли, дая знать, что съ высокимъ почитаніемъ и съ довольнымъ предприготовленіемъ словъ, разсужденіемъ должны мы порученное дѣло донесть, и беречься того, что къ озлобленію Князя, могло бы подать случай, такъже все то выключить, что къ дѣлу не принадлежитъ; сверхъ того весь Его Величества титулъ, съ должнымъ почтеніемъ, прежде титула нашего Короля выговорить, и ничего не пропустить, что до его чести принадлежало бы.

Когда сіе онъ говорилъ, представши Россійскій толмачъ Яковъ австріецъ, слѣдующее сказалъ, что сіе честный господинъ упоминаетъ, о представленіи Царскаго титула, прежде короля вашего, то имѣетъ свои причины, о которыхъ объявить должно, изъ коихъ сія главнѣйшая, дабы по небреженію вашему, безчестіе

вамъ не послѣдовало, ибо помню я, какъ предъ нѣсколькими годами Царь возненавидѣлъ посланниковъ, которые съ бесчестіемъ отосланы, въ самое то время, когда на авдіенцію предстали, за одно то, что титулъ своихъ королей прежде его говорили; симъ окончалъ свою рѣчь.

Которымъ объявленіемъ, какъ будто трубнымъ гласомъ вызванъ будучи, отвѣчалъ я тотчасъ: мы прежде сего посыланы были къ королямъ и князьямъ, и королевскіе дѣла такъ отправляли, что они не предосуждали насъ; такими представиться и здѣсь надѣемся, дабы не уменьшить ни въ чемъ почтенія ни Царя ни короля, и мы его по своему обыкновенію почтимъ; между тѣмъ, ежели вы намъ показать хотите, какимъ образомъ доброжелательство Царя къ себѣ соискать, и какъ у него милость заслужить, а притомъ бы и нашего короля честь ненарушимо сохранить, то сіе мы отъ васъ, какъ отъ друга, за благо принять и за благодѣяніе почесть имѣемъ.

Что же къ представленію дѣла принадлежало, то объявили, что отъ короля нашего имѣемъ повелѣніе, о чемъ должно говорить, почему мы сами отъ себя къ повелѣніямъ его прибавить ничего не можемъ и не хотимъ.

Потомъ опять спрашивалъ онъ, велѣно ли намъ и о крѣпостяхъ въ Лифляндіи, у короля отнятыхъ, упомянуть что-нибудь, что ежели такъ есть, за неприличіе думать о томъ говорить.

На сіе отвѣчалъ я ему, намъ велѣно порученные дѣла объявить королю и сенату, а не другимъ, почему некстати спрашивать насъ о семъ.

Послѣ того хотѣлъ слышать отъ насъ присланы ли подарки какіе Царю отъ короля, и что каждый изъ насъ ему поднесть намѣренъ.

Король сказалъ и прислалъ Царю и старшему сыну золотые стаканы. И другому меншому сыну, представилъ онъ, надобно дать подарки, что мы по его мнѣнію обѣщались здѣлать; сіе услышавъ, велѣлъ всѣ подарки письменно показать и ему вручить, что получивъ отошолъ; возвратившись же къ вечеру, объявилъ повелѣніе Царево явиться намъ предъ нимъ слѣдующаго 21 числа мѣсяца; сей вѣстникъ весьма былъ радостенъ для насъ.

Итакъ прибылъ онъ къ намъ, опять на третій день, около восмаго часу по утру, предлагая, чтобы изготовиться къ поѣзду; мы ни мало не медля, сѣдши на лошади, поѣхали прямо въ крѣпость.

Отсюда далеко по дорогѣ разставлены были двѣ тысячи стрѣльцовъ; они по обѣимъ сторонамъ стояли оставивъ по срединѣ мѣсто, по которому намъ ѣхать должно было; проѣхавъ далѣе, прибыли мы въ крѣпость пространную и великолѣпно сдѣланную изъ камней, стѣнами и рвами окруженную, имѣющую три богатые храмы.

Тамъ видѣли мы множество бояръ въ пурпуровомъ и разноцвѣтномъ платьѣ; тѣхъ оставивъ вошли мы въ полаты, въ которыхъ были другіе бояры весьма богато убраны, и по своимъ мѣстамъ сидѣли; сихъ привѣтствовавши, когда хотѣли мы въ тѣ полаты, гдѣ Царь сидѣлъ на престолѣ, войти, встрѣтилъ насъ предъ дверми толмачъ, Каспарь именемъ, сказывая, дабы мы титула своего короля не говорили прежде Царева, и дабы сына его не забыли привѣтствовать и знатнымъ титуломъ чести почтить; потомъ допущены были, увидѣли мы Царя и старшаго сына, которые оба сидѣли, отецъ на престолѣ отстоящемъ отъ земли на одну сажень, сынъ пониже немного по правой сторонѣ.

Тотъ въ платьѣ былъ бархатномъ, желтомъ, драгоцѣнными каменьями украшенномъ, на шеѣ имѣлъ золотой уборъ съ различныхъ камней составленный, на головѣ шлемъ алмазами и другими дорогими камнями убранный, съ золотою короной, на всѣхъ пальцахъ перстни съ бриліантами, въ рукѣ держалъ золотой скипетръ.

А сей одѣтъ былъ въ бархатное платье, красное, драгоцѣнными камнями насаженное, на головѣ имѣлъ шлемъ, опушенный.

Предъ ними юноши четыре держали въ рукахъ мечи, въ бѣломъ шелковомъ платьѣ.

Много тамъ было бояръ, вездѣ сидящихъ въ богатомъ платьѣ; какъ скоро пришли мы предъ Царя, простеръ онъ руку, и герольдъ говоря ко мнѣ, громогласно вскричалъ: «Яковъ! Иванъ Васильевичъ такъ милостивъ къ тебѣ, что руку тебѣ простирать изволитъ, подойди къ нему и руку свою подай ему» что я и здѣлалъ, такъ же и сыну его съ приличнымъ почтеніемъ; скоро потомъ Григорія, Арнольда и другихъ дворянъ всѣхъ тотъ же звалъ; послѣ того сталъ спрашивать меня»: въ прежнемъ ли здоровьѣ находится король нашъ? Я отвѣчалъ, что онъ по отъѣздѣ моемъ здравствовалъ; думаю, что и по нынѣ благополученъ.

Потомъ начали мы рѣчь говорить, и его съ сыномъ отъ короля поздравили; царь выслушалъ охотно титулъ свой и поздрав-

леніе, перерывалъ рѣчь, не дая намъ времени все дѣло съ самаго начала внушить ему, но прочее боярамъ своимъ объявить повелѣвая; итакъ понеже не позволено намъ говорить, принуждены мы были умолчать о томъ, что по повелѣнію нашего короля имѣли ему представить.

Послѣ сего велѣлъ намъ сѣсть: и когда сѣли, герольдъ опять проговорилъ: «Царь зоветъ васъ сего дня на пиръ, встаньте и благодарите его Величеству», что и дѣлали мы.

Потомъ велѣлъ принесть подарки, которые когда принесены были, министры приняли оные и спрятали.

Послѣ того мы отошли и отведены были въ другіе комнаты, гдѣ остановились, пока пришли къ намъ совѣтники Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, Василь Григорьевичъ Сусасинъ, Дементій Ивановичъ Черемисинъ, канцлеръ Андрей Яковлевичъ Салкановъ [1] и канцлеръ Андрей Васильевичъ Терефединъ, которыхъ къ нашему дѣлу опредѣлилъ; въ то время мы съ ними обращались, пока накрыли на столъ.

Оттуда когда привели насъ къ первому мѣсту, Царь сѣлъ выше сына, передѣвшись изъ дорогаго онаго платья и надѣвши другое шелковое темнаго цвѣту, на головѣ имѣя шлемъ съ краснаго сукна, съ драгоцѣнными камнями украшеннаго: такъ же и сынъ перебравшись изъ прежняго платья одѣлся въ бѣлое, и всѣ бояры худшее надѣли платье, скинувъ оное порпуровое Царское, здѣланное отъ него, великимъ иждивленіемъ къ показанію славы и великолѣпія своего; изъ сихъ многіе на семъ пирѣ будучи, сидѣли за другими столами, а мы посажены были по лѣвой сторонѣ противъ Царя.

Великій князь, пока не поставлено еще было кушанье, пилъ виноградное вино самое лучшее, потомъ когда министры подали его на столъ кушанье, и всѣ блюда по порядку передъ нимъ поставили, то онъ боярамъ своимъ раздавалъ такимъ образомъ, первое кушанье подалъ старшему капитану своему князю Ивану Оедоровичю Стиловскому [2], который съ великимъ почтеніемъ то принялъ, и всѣ бояра привставали тогда съ мѣста, другое

---

[1] Salkanoff—очевидно Щелкаловъ, бывшій думнымъ дьякомъ Посольскаго Приказа, судя по извѣстнымъ намъ актамъ, съ 1571 по 1587 годъ.

[2] Stilofsky—вѣроятно Мстиславскій.

кушанье послалъ зятю своему Михайлову Романовичю [1], который съ такимъ же высокопочитаніемъ принялъ оное, третьяго кушанья меня удостоилъ, потомъ Григорія Арнолда и всѣхъ прочихъ дворянъ; между тѣмъ нѣкоторыя кушанья такъ же своимъ боярамъ пересылалъ.

И какъ перемѣнъ кушанья весьма было много, такъ и вставать весьма часто должно было, ибо сколько разъ подавано было оное, столько вставать надобно было намъ, и то дѣлалось шестьдесятъ пять разъ; притомъ нѣкоторые изъ предсидѣвшихъ жестокой выговоръ намъ дѣлали, принуждая къ воздаянію Царю почтенія.

Мало потомъ спустя, подалъ мнѣ князь стаканъ меду и другой такъ же другаго меду; послѣ того велѣлъ предъ себя принесть золотой сосудъ и налить въ оной Марвизскаго вина, котораго прикушавъ мнѣ и тотъ послалъ; я принялъ и отвѣдалъ, подавъ оной Григорью, Григорій Арнольду, Арнольдъ Павлу Верникену, сей Ивану Вестерманду, итакъ далѣе, дабы всѣ чювствовали щедрость его и милосердіе, и было сіе знакъ милости (какъ они называютъ), прочихъ же напитковъ ни капли не прикушалъ.

Послѣ сего говорилъ ко мнѣ чрезъ толмача: «я довольно знаю, что вы долго ѣхали, земнымъ и морскимъ путемъ, и великіе труды приняли; все, что къ содержанію вашему нужно есть, велю выдать; при томъ говорилъ и сіе, что вы въ Новѣгородѣ нѣсколько недѣль задержаны были, то здѣлалось по особливымъ причинамъ; ибо я нѣкоторыми дѣлами занятъ будучи, не могъ васъ прежде сыскать сюда». И сіе одно было, что онъ мнѣ или другимъ за столомъ сказалъ.

На всѣхъ столахъ поставлено было блюдъ серебряныхъ и чашъ такъ много, что не было ни одного порожняго мѣста, но блюдо на блюдѣ лежало, стаканъ на стаканѣ, различныхъ такъже кушанья и меды намъ представлены были.

Предъ Царемъ и сыномъ положены были ножи, длиною въ поллоктя, стаканъ только и ложка деревянная; какъ же гнусно и какъ невѣжливо онъ кушалъ, всѣ тѣ знаютъ, которые на его

---

[1] Это былъ Герцогъ великій, братъ Короля Дацкаго, перешедшій на службу въ 1570 году къ Царю Ивану Васильевичу и вступившій въ бракъ съ княжной Маріей Владиміровной.

пирѣ были; ни кого отъ роду не видалъ, какого бы состоянія и чина ни былъ, который бы сего славнаго Царя неучтивѣе за столомъ сидѣлъ.

По окончаніи стола, велѣлъ намъ толмачъ встать; послѣ сего призвавъ насъ Царь къ себѣ, поднесъ всякому по серебряному стакану краснаго меду, который одинъ за другимъ по старшинству изъ рукъ его брали; выпивши оные отошли мы, и во отведенную намъ квартиру возвратились.

23 числа, въ праздное время опять позваны мы были ко двору, не велѣно жъ намъ больше двадцати слугъ за собою весть, и тѣмъ же порядкомъ и съ такимъ же великолѣпіемъ ѣхали мы какъ прежде, при тѣхъ же стрѣльцахъ и боярахъ, и Царь съ сыномъ своимъ на обыкновенномъ мѣстѣ сидѣлъ; какъ скоро вошли мы въ ту полату, указалъ намъ тамъ толмачъ мѣсто, гдѣ сѣсть, но лишъ только сѣли, велѣлъ встать и идти въ то мѣсто, гдѣ опредѣлено отправленіе нашихъ дѣлъ. Куда когда пришли мы, совѣтники вступили съ нами въ дѣла, разсуждая опять о причинѣ посольства нашего; разбирали тѣ дѣла отъ девятаго, сколько мнѣ помнится, до перваго часа послѣ полудня, по окончаніи того возвратились домой.

Послѣ чего въ послѣдующій, то есть 25 числа августа Варфоломея день, опять прибывши къ Царю, увидѣли мы его въ обыкновенномъ мѣстѣ, одѣтаго въ зеленое платье бархатное, а сына въ красное, которыхъ увидѣли, отошли проводивъ малое оное время то въ сидѣніи, то въ вставаніи, и вступая въ дѣло наше; далѣе съ великою воистинну трудностію отправляли мы то, ибо сказать не возможно, съ какою опасностію между ними обращаться должно, и сколько трудиться и потѣть въ семъ дѣлѣ нужно намъ было.

Какъ варвары сіи превозносятъ себя, изъ сего можемъ заключить, что все, что ни говорятъ, почитаютъ за справедливое и неоспоримое, и что больше не любятъ, ежели стать противорѣчить имъ въ дѣлахъ, никакого порядка не наблюдаютъ, но во всемъ безразсудно поступаютъ, во всѣ стороны разбиваются, какъ только на мысль имъ взойдетъ, никакихъ представленій не хотятъ слушать и перерываютъ рѣчи, по своему вкусу разсуждая (по пословицѣ) и считая то только за важное, что сами предложатъ; ежели противъ ихъ сказано бы было что-нибудь, что за непри-

стойное и ни къ чему годное вмѣняютъ и о себѣ только однихъ хорошаго мнѣнія будучи, себя предпочитая, другихъ за ничто содержатъ, такъ что по приличію можно про нихъ сказать: съ добронравными обращайся хорошо, съ худыми худо.

И самъ ихъ князь также былъ гордъ и надменъ, брови безпрестанно возводя, плечи возвышая и надуваясь, наипаче какъ услышитъ титулъ свой; и такъ приличествуетъ имъ сіе: каковъ князь, таковы и подданные.

Сверхъ того они хитры, лукавы, упрямы, невоздержны, сопротивляющіеся и гнусны, развращенные, не говорю безстудные, ко всякому злу склонные, употребляющіе вмѣсто разсужденія насиліе, и такіе, которые отъ всѣхъ добродѣтелей воистину далеко отступили.

27-го числа, когда все было описано, чрезъ одноглазаго позваны будучи, поѣхали мы въ крѣпость на лошадяхъ, въ которую въѣхавши, увидѣли всѣхъ бояръ, изъ которыхъ иные въ каретахъ сидѣли, иные на крыльцѣ, на которое мы восходили, стояли съ великою важностію въ Государево платье убраны; проходя которыхъ пришли къ престолу Царскому и привѣтствовали князя съ почтеніемъ, ибо припаровились уже мы къ тому обыкновенію, видя нѣсколько разъ ясные его очи (по ихъ словамъ).

Оттуда пошедши мы съ совѣтниками въ обыкновенное мѣсто для отправленія нашего дѣла опредѣленное, трудились тамъ отъ 9-го до 1-го часа послѣ полудня, дабы все дѣло привесть къ концу, и оставили Павла Верникена въ крѣпости, для переписки всего того набѣло; впрочемъ когда долго ожидали мы его возвращенія, пришолъ къ намъ о полночи въ двѣнадцатомъ почти часу вѣстникъ и дерзновенно говорилъ, что Царь въ нѣкоторыхъ пунктахъ отмѣнилъ мнѣніе, и то что прежде было мы сдѣлали, утвердили и писменно заключили, отставилъ и за недѣйствительное почелъ, чего ежели по его воли не сдѣлаемъ, то все дѣло наше пропадетъ, почему за благо разсуждалъ, чтобы объявили мы ему тотъчасъ мнѣніе свое; во время сихъ рѣчей, когда не совсѣмъ почти еще онъ повелѣніе объявилъ, пришолъ другой съ повелѣніемъ, чтобы какъ возможно скоро вѣстникъ прибылъ.

Сіе мы услыша, несказанно опечалились и въ великую задумчивость вошли, потому что успокоились было отъ дѣла, и все уже прежде, съ обѣихъ сторонъ договоры постановивши съ

довольнымъ разсужденіемъ сдѣлано было и заключено, а по большой части для того, что не давали намъ времени на разсужденіе, и такъ понеже не можно было иному статься, заблаго разсудили мы то сдѣлать и заключить, что къ миру и тишинѣ надлежало.

Здѣсь пропустилъ я упомянуть о томъ, что они всѣ дѣла дѣлали ночью, ибо ни одну ночь, пока мы тамъ жили, не спали, стрѣльцы и рейторы весь день и всю ночь на томъ же караулѣ были, на которомъ прошедшаго дня стояли, для того, что одинъ Павелъ Верникъ въ крѣпости для переписки дѣла (какъ о томъ выше упомянуто) оставался.

Слѣдующаго 28 числа августа опять ко двору Государевому поѣхали мы, послѣ отмѣненія, оставленія и прочтенія, также и печатями запечатанія нашими и утвержденія всего того, что прошедшею ночью сдѣлано было. Гдѣ Царь сѣдши на престолѣ своемъ, сказалъ Григорію Арнольду и мнѣ: «я намѣренъ крестнымъ цѣлованіемъ утвердить то, что совѣтники мои вмѣстѣ съ вами сдѣлали и заключили» и велѣлъ онъ тотчасъ письменные договоры предъ собою прочесть, въ прочтеніи которыхъ цѣлый часъ прошелъ.

Но понеже въ то время стояли мы подлѣ его близко и видѣли великое его въ богатомъ одѣяніи излишество, для того вздумалъ я здѣсь упомянуть о семъ, отчасти какъ онъ убранъ былъ, отчасти же какіе поступки имѣлъ, а по нѣкоторой части и о томъ, какіе употреблялъ обряды.

Одѣтъ былъ въ красное платье бархатное, камнями и алмазами насаженое, на шеѣ его висѣло украшеніе изъ золота и камней, такимъ образомъ составленное, какъ прежь сего обыкновенно было носятъ знатныя дамы въ Даціи, на головѣ имѣлъ золотую корону, возложенную на шлемъ, изъ алмазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней сдѣланный, въ рукѣ держалъ золотой шаръ, величиною съ отроческую голову, который со всѣхъ сторонъ драгоцѣнными камнями насаженъ былъ такимъ образомъ:

Со стороны поставленъ былъ ящикъ позолоченый къ вкладыванію шара, въ который держа оный въ правой рукѣ, долго и много разъ приподнимая вверхъ, вложилъ, также и шлемъ положа въ золотой сосудъ, поставленный предъ собою, сидѣлъ не накрывши головы.

Во время то, какъ читали предъ нимъ письменные договоры, головою не слушалъ того, такъ что тѣломъ только, а не умомъ тамъ быть казался, ибо призывая къ себѣ бояръ своихъ, то съ тѣмъ, то съ другимъ разговаривалъ, и все оное время въ смѣхѣ и разговорахъ провождалъ; недалече также отъ него стоялъ тогда Богданъ Ивановичъ Бѣльскій, котораго веселымъ видомъ призывая, какъ возможно ласкательно казалъ ему свои перстни (оные весьма были у него драгоцѣнные на всѣхъ его пальцахъ правой и лѣвой руки) простерши руки, ножны также золотые изъ-подъ платья пальцами вынимая показывалъ и протягивалъ руку до самаго конца золотаго пояса; сверхъ того держалъ въ рукахъ жезлъ, насаженный блестящими камнями, сапоги бисеромъ украшенные, надѣты были на ноги его; по обѣимъ сторонамъ стояли четыре юноши въ бѣломъ бархатномъ платьѣ, перевязаны золотыми цѣпями, съ мечами, а сынъ на своемъ мѣстѣ сидѣлъ одѣтъ въ красное платье, имѣя на рукѣ золотой перстень.

По прочтеніи писаній, призвалъ къ себѣ князь двухъ бояръ, держащихъ въ рукахъ сосудъ, и велѣлъ себѣ подать оный, который взявши всталъ и вложилъ рукою, перстнями украшенною, въ оный сосудъ королевскую грамоту, а на той свою грамоту сверху положилъ, притомъ и крестъ, сдѣланный изъ камня вызолоченный, съ великою важностію и великолѣпіемъ, и приведши уста къ сосуду, поцѣловалъ, присягая исполнить обѣщанія и сохранить все вѣрно.

Потомъ принесенъ былъ Новый Завѣтъ Россійскій, на который положа мы пальцы, цѣловали Евангеліе святое Іоанна и именемъ нашего короля, какъ повелѣно было намъ, присягали, утверждая, что и онъ съ своей стороны ненарушимо также все то сохранитъ. Послѣ чего велѣлъ намъ Царь сѣсть и всякому изъ насъ по три стакана меду поднесъ, которые изъ рукъ его принявши, выпили мы, потомъ подалъ онъ намъ руку и отпустилъ насъ, что также и сынъ сдѣлалъ, и велѣли отъ себя поклонъ отдать королю.

Послѣ чего совсѣмъ отправлены были, однако прежде того поблагодарили мы его за оказанныя намъ благодѣянія и просили объ освобожденіи плѣнниковъ лифляндскихъ изъ провинціи *Эзеля* и *Вика*, что онъ съ ними сдѣлать обѣщалъ; и такъ по совершеніи уже всего возвратились мы домой часу въ двѣнадцатомъ, думаю, послѣ полудня.

Послѣ обѣда пришелъ къ намъ вѣстникъ, посланный отъ одноглазаго (который часто было у насъ бываетъ и попеченіе о насъ имѣлъ) объявляя, что подарки царскіе готовы, и онъ намъ тѣ принесть хочетъ; мало погодя, далъ знать о томъ же другой и третій посланный, сказывая притомъ, что онъ намѣренъ дары, полученные отъ насъ, показать Царю.

По отшествіи того вѣстника, прибылъ наконецъ самъ онъ и привезъ въ подарокъ шубы, которыя несли сорокъ три человѣка, всѣ оные на бумагѣ показаны и всякому порознь означены были.

Подарки были весьма изрядные, которые по оцѣнкѣ нѣсколько тысячъ талеровъ стоили, было же четырехсотныхъ собольихъ шубъ 27, амартишковыхъ 17, хотя изъ того числа никому не дано было, только Григорію Арнольду, Павлу Верникену, Ивану Венстерманну, Георгу Свавенію и мнѣ, которые мы поднесли Царю подарки.

Сіе отъ меня тебѣ, благосклонный читатель, здѣсь представлено о послѣднемъ нашемъ у Московскаго Царя бытіи, что тамъ происходило, и какими обрядами мирный договоръ заключенъ былъ, больше теперь ничего уже объявить не смѣю. Но прежде нежели начну говорить о другомъ, коротко представлю, какъ насъ и слугъ нашихъ въ слободѣ принимали, и каковы они къ намъ казались.

Въ тотъ же вечеръ, когда туда мы пріѣхали, объявлено намъ, что Царь извѣстился о нашихъ трубачахъ, которыхъ мы имѣли при себѣ, и употребляемъ было ихъ ежедневно въ пути, наипаче во время обѣда и ужина, для приглашенія всѣхъ къ столу, чего чтобы мы тамъ ни дѣлали, запретилъ онъ, и притомъ заказалъ, дабы никто изъ насъ въ публичныя мѣста не выходилъ изъ дому, но всякъ бы содержался въ квартирѣ.

Сверхъ того когда ко дворцу званы были, не позволено было слугамъ нашимъ войти съ нами туда, но отъ Россіанъ опредѣлено нѣкоторымъ быть при насъ, прочимъ входъ воспрещенъ былъ.

Что до кушанья касается, весьма худо приниманы были, ибо никакой другой пищи не давали они намъ кромѣ коровъ, овецъ и цыпленковъ, а рыбы ни мало, хотя тамъ было очень много садковъ; не отпускали также намъ и пива, но только медъ ради слугъ весьма худой и негодный, не лучше воды, такъ что часто

не пивши выливаютъ было опый вонъ, и будучи чрезмѣрно жаждны, имѣли притомъ недостатокъ и въ водѣ, понеже никуда не позволено было имъ изъ квартиры выходить, ибо воду для варенія возили тамъ съ другихъ мѣстъ, и та была не чиста, и въ не чистыхъ сосудахъ содержалась; сію однако же принуждены были часто слуги наши пить для утоленія жажды.

А о томъ и не упоминаю, что никто не посѣщалъ насъ чрезъ все то время и никто не имѣлъ съ нами обхожденія, кромѣ приставовъ и Болгера, которые намъ услуживали, что говорю, умерли бы мы отъ жажды, ежели бы не было при насъ собственныхъ нашихъ винъ, которые на тотъ конецъ привезли было съ собою, чтобы пить съ знатными персонами россійскими, но понеже никто такой не пріѣзжалъ къ намъ, кого бы тѣми потчивать могли, для того выпили мы сами все то.

Описавъ первую часть намѣренія своего, то-есть путешествія въ Россію, во время котораго переѣхали мы триста тридцать двѣ мили морскимъ и сухимъ путемъ, приступаю уже наконецъ съ радостію къ другой, намѣревая коротко объявить о возвращеніи въ Данію.

Августа 29 числа, по принесеніи намъ подарковъ, объявлено, дабы того же дня сготовились къ отъѣзду, о чемъ прежде не дано было намъ знать, но понеже тогда часъ почти уже второй съ полудня былъ, для того девятаго часа не успѣли мы выбраться; потомъ отправившись въ путь всю ночь не спавши ѣхали (въ которую шесть миль уѣхали) и прибыли къ Троицкому монастырю, оттуда на другой день въ Дмитровъ отъѣхали; здѣсь на пути виденъ монастырь Святаго Николы, каменный, изрядно сдѣланный, на подобіе замка; на третій день, то-есть послѣдняго числа августа, въ Клинъ городъ пріѣхали, и выѣхавши изъ онаго 1 числа сентября въ Городнѣ ночевали.

Но понеже разстояніе мѣстъ выше довольно описано, для того здѣсь больше упоминать о томъ не буду, дабы не показать себя, что я въ семъ сверхъ нужды поступаю, и начну описывать города и мѣста, также и то, что достойное примѣчанія во время путешествія случалось.

Выѣхавши изъ Городни, прибыли мы въ Тверь; на семъ пути вездѣ попадались намъ Татары, которые возвращались изъ Лифляндіи, вели за собою многихъ плѣнниковъ: мужей, женъ, дѣвицъ и мальчиковъ, изъ коихъ нѣкоторые ранены были.

Женъ и дѣвицъ въ полонъ побравши продаютъ, друзьямъ роздаютъ и другимъ даруютъ, которые употребляютъ ихъ по своему хотѣнію, и когда оныя наскучатъ уже имъ, отсылаютъ отъ себя, разводятся съ ними и оставляютъ другимъ на насиліе. Ахъ, какое жалкое и бѣдное людей состояніе! ибо что хуже можетъ быть, какъ попасться въ руки такимъ мучителямъ, которые не иначе обходятся съ людьми христіанскими, какъ съ скотами несмысленными и безразумными.

Что наконецъ плачевнѣе можетъ быть мужамъ и женамъ бракосочетанным, какъ другъ съ другомъ разлучитися.

Мужа отъ жены въ Казань и Астрахань противъ Татаръ посылаютъ, жену его Россіанинъ беретъ, безчеститъ, насильствуетъ и сквернитъ; тотъ раненъ умираетъ, сей день и ночь съ женою его веселится и блудодѣйствуетъ. По моему мнѣнію, не меньшой казни достойны сіи какъ Давыдъ, который Вирсавію насильствовалъ и Урія предалъ смерти.

И не одни только подданные и жители имѣютъ за собою сіи грѣхи, но и самъ также князь, ибо держитъ при себѣ (по сказкамъ) въ сералѣ пятьдесятъ дѣвицъ знатной породы и взятыхъ изъ Лифляндіи, которыхъ куда ни ѣдетъ, возитъ за собою, употребляя тѣхъ вмѣсто жены, за неимѣніемъ оной.

Но сіе праведному Богу оставимъ на отмщеніе, который въ свое время воздастъ за то по дѣламъ, ибо имѣетъ онъ отмщевающее око, какъ пишетъ авторъ онъ греческій: ἔχει θεὸς ἔκδικον ὄμμα.

Тамъ извѣстились также мы, что Крымскіе Татары, которые давно уже ушли было, опять съ великою силою на тѣхъ же дняхъ, когда мы отправились отъ Царя, нечаянно пришли (о чемъ Россіяне не знали) и съ многочисленнымъ войскомъ вступили въ Россійскіе предѣлы. Что это было скажешь? За мѣсяцъ прежде посылали они къ Московскому Царю человѣка бѣднаго и подлаго для заключенія перемирія, къ которымъ Царь отправилъ канцлера своего Ивана Васильевичя Солкана [1] для сдѣланія того съ ними, между тѣмъ Татары вооружились, всѣ вещи нужные къ войнѣ приготовили, и когда еще посланникъ изъ Россіи не выѣхалъ, нанесши войну Московскому Царю, напали на его государство съ

[1] Basilowitz Solkan—очевидно Василія Щелкалова.

войскомъ. Что же сдѣлалось и чѣмъ та война кончилась, о томъ въ свое время, безъ сомнѣнія, услышимъ, ибо все неизвѣстное со временемъ бываетъ извѣстное.

Сентября 3 числа прибыли мы въ Торжокъ и пребыли тамъ до другаго дня, потому что ни лошадей, ни колясокъ не могли достать, ибо научились новые наши приставы отъ другихъ, которые провожали насъ въ слободу, деньги взимать отъ градскихъ начальниковъ, чтобы лошадей ихъ не брать въ подводы; итакъ должно было намъ на тѣхъ же лошадяхъ далѣе ѣхать, на которыхъ туда ѣхали, и хотя уговаривали мы ихъ, чтобы смотря на другихъ пороки исправились сами, дабы не попались въ такое же подозрѣніе (ибо послѣ нашего отъѣзду содержались иные подъ карауломъ за воровство, которое они на дорогѣ дѣлали, и не прежде ихъ отпущали, какъ высѣкши плетьми и доправивъ семь сотъ талеровъ штрафу, итакъ худымъ образомъ пріобрѣтенное, худо и расточено) однако несмотря ни мало на увѣщаніе наше, въ томъ же воровствѣ попадались, итакъ можно объ нихъ заключить, что они беззаконнѣе всѣхъ людей въ свѣтѣ.

Сентября 5 числа ѣхали мы въ Выдропускъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ попадались намъ на встрѣчу толпами Татары съ людьми въ области Рижской полоненными.

6 числа были въ Вышнемъ Волочкѣ, гдѣ сѣдши на судна, которыя для насъ, когда еще въ слободѣ мы находились, сдѣланы были, поѣхали на оныхъ до Новагорода, отстоящаго оттуда за сто миль.

Впрочемъ понеже путь оный водный не только былъ опасный, но и весьма скучный, для того не намѣренъ я пропустить упомянуть о томъ, съ какою трудностію и опасностію совершили мы оный, итакъ вопервыхъ объявляю:

Выгодно могли мы совершить теченіе наше при множествѣ камней, каменистыхъ горъ и другихъ препятствій въ кораблеплаваніи, когда нѣсколько разъ съ такимъ стремленіемъ на каменистые горы ударялись корабли, что ежели бы не было новыхъ, то бы никогда не могли стерпѣть толикихъ ударенній, ибо мы ѣхали по тихой рѣкѣ, которая такъ быстро въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текла, что самымъ прыткимъ своимъ теченіемъ сверхъ надежды, часто корабли то носомъ, то кормою на верхъ горъ возносила съ великимъ воистинну оныхъ вредомъ, потомъ наѣхали также мы

на отмель, предъ прочими опаснѣйшую, со всѣхъ сторонъ камнями заваленную и къ кораблеплаванію весьма неспособную: тамъ пучины съ превысокихъ мѣстъ съ стремленіемъ текли чрезъ четыре мили въ глубочайшія озера каменистыя, такъ что великая сила волнъ многократно корабли схватываетъ и на мелкія части разбиваетъ; мы же стараясь предостеречь свои корабли, грузъ склавши, ѣхали четыре тѣ мили на лошадяхъ и телѣгахъ, а корабли порожніе чрезъ то мѣсто проводили, на которые когда опять сѣли мы, то увидѣли, что оные отчасти разрушены и испорчены были.

Притомъ приставы наши нарочно вели насъ кругомъ въ семь кораблеплаванія больше тридцати миль, такъ что сколько можно было въ одинъ день уѣхать, того не могли мы переѣхать въ два или три дни, ибо проводили насъ по многимъ кривымъ дорогамъ, то къ востоку, то къ западу, то къ полудни, какъ рѣка протекала, такъ что намъ туда и сюда плавающимъ ничего долѣе не казалось какъ сей водный путь.

Сверхъ того въ постоялыхъ домахъ никогда не становились мы прежде захожденія солнца, и тѣ домы заставали пустые, не чистые, развалепные, непочиненные и непокрытые, и такъ въ оныхъ жарко было отъ отопленія печей (которыя во всѣхъ домахъ имѣются) что стоять намъ въ тѣхъ было не съ пріятностью, но съ крайнимъ омерзѣніемъ и урономъ здоровья.

Здѣсь можетъ кто спросить, для чего намъ должно было ѣхать водпымъ путемъ больше нежели земнымъ? Тому, сколько могу, догадываюсь отвѣчать, что три причины сему были: первая та, понеже такой у нихъ недостатокъ былъ въ съѣстныхъ запасахъ и лошадяхъ, что не могли насъ до Новагорода оными довесть; другая, что Царь чрезъ то опасался, дабы войско его, возвращаясь изъ Лифляндіи, не напало на насъ на дорогѣ съ плѣнниками, третья та, чтобы такою окружностью время намъ продолжить и дабы тѣмъ скорѣе посланники его, которыхъ онъ имѣлъ въ Дацію послать, насъ настигли; какъ бы то ни было то тѣ, то другія чувствовали мы досады, такъ что вспоминовеніе того времени и по сіи поры еще намъ страшно, ибо такъ сильно ненавидѣли насъ приставы наши, что только могли вздумать въ нашу противность, все то съ великимъ тщаніемъ и охотою старались сдѣлать.

Когда мы всякаго почти дня на разсвѣтѣ вставали и восходили на корабль, дабы долгій оный и бѣдственный путь въ одинъ

разъ скончать, то уводѣли они отъ насъ гребцовъ, чтобъ намъ далѣе, нежели имъ казалось, не уѣхать, и хотя мы имъ о тѣхъ и о другихъ вещахъ къ кораблеплаванію нужныхъ кучили, однако ничего не могли у нихъ добиться ни прошеніемъ, ни угрозами, кромѣ того, что только имъ угодно и пріятно казалось. Напротивъ того, когда было иногда случается, что должно переѣхать намъ три только или четыре мили, то ночью часу въ первомъ или во второмъ съ такимъ крикомъ и шумомъ насъ будили и безпокоили, что, и хотя-не хотя, принуждены были ихъ слушаться.

Да что я говорю, ежели было иногда къ тѣмъ мѣстамъ приходимъ, гдѣ что-нибудь продавали, то тотчасъ купцамъ запрещали они, дабы ничего не продавали и не давали бы намъ, а когда было прослышатъ, что тѣ напомнятъ намъ какіе вещи, то тотчасъ сѣкли ихъ плетьми, чтобъ изъ глазъ нашихъ всѣ прочь шли и какъ будто моровой язвы бѣгали бы, что самымъ примѣромъ доказать имѣю.

Когда 12 числа сентября пріѣхали мы въ сумерки подъ Бѣляй городъ, то пославъ толмача своего, купили за свои деньги двухъ гусей для подкрѣпленія силъ отъ трудовъ (ибо во всю оную дорогу ничего не выстатчали намъ, кромѣ коровъ, овецъ и цыпленковъ, что все сперва о полночи приводили, такъ что поварамъ нашимъ почти и времени не было рѣзать и варить, ибо прежде нежели было все порѣжутъ и въ удовольствіе напарятъ, гнали они ихъ опять на корабли и чуть не били) о чемъ когда по случаю провѣдали приставы, тотчасъ съ такимъ мучительствомъ и съ такою жестокостью бѣдныхъ тѣхъ людей, которые гусей продали, плетьми и палками били, что хотя бы противъ Государя въ чемъ погрѣшили, то бы христіяне жесточае наказывать ихъ не могли.

Вышеписаннаго числа много кораблей встрѣли мы, которые противъ воды лошадьми тянули, и всѣ оные нагружены были плѣнниками, между которыми премногихъ честныхъ женъ и знатныхъ дѣвицъ видѣли, которыя взоромъ и руками весьма печальные знаки оказывали, и хотя намъ безмѣрно жаль ихъ было, однако и малѣйшей помочи подать имъ не могли.

Сентября 16 числа въ полночь прибыли мы къ монастырю святаго Николы, который былъ весьма великолѣпный и на безмѣрно веселомъ мѣстѣ поставленъ, но опустошенъ, ибо Царь всѣхъ монаховъ убилъ и въ рѣкѣ потопилъ по ненависти, которую

на нихъ имѣлъ. Здѣсь запрещено было и кушанья въ монастырѣ варить, и трубачамъ на трубахъ трубить, съ тѣмъ утвержденіемъ, что то святое мѣсто.

На послѣдокъ 17 числа сентября прибыли мы на корабляхъ въ Новъградъ, по долгомъ и довольномъ путешествіи, и одиннатцать дней ѣзды по водѣ и по землѣ чрезъ многія опасности, изъ утра даже до самаго вечера ежедневно путь продолжая, куда прибывши стали на прежнихъ квартирахъ, будучи въ томъ мнѣніи, что на третій или на четвертый день оттуда выѣдемъ, понеже всѣ уже наши дѣла въ слободѣ окончаны, но въ томъ обманулись мы, ибо задержаны были до 24-го числа мѣсяца; итакъ вездѣ насъ удерживали, что за одну милю поступить далѣе, нежели имъ казалось, никогда намъ не можно было.

Хотя всякой день просили мы ихъ, дабы намъ день отъѣзда назначенъ былъ, потому что поѣздъ нашъ всего долѣе казался, и понеже зналъ я, что зима сближается, и намъ чрезъ море переѣзжать надобно, которое въ то время года бываетъ весьма опасно, однако не могли мы добится времени прежде, нежели поставлены были намъ коляски, и лошади къ поѣзду въ Плесковъ.

Можетъ ли въ какомъ нибудь народѣ большая быть зависть и злоба, нежели въ семъ, который ничего ни пропустилъ, что могло насъ возбудить къ гнѣву, печали, или къ иному возмущенію духа; долго бы было о семъ больше говорить мнѣ, наипаче такому, который о другомъ предложить спѣшитъ.

Въ то время какъ мы тамъ находились вели чрезъ городъ великое множество плѣныхъ Лифляндскихъ (кромѣ тѣхъ которые на дорогѣ отовсюду намъ попадались), больше тысячи людей старыхъ и молодыхъ, мужей и женъ; изъ сихъ отвели иныхъ татара въ Москву, иныхъ россіяномъ продали въ городѣ которыхъ, чтобъ всѣмъ видны были, ставили предъ церковными дверьми, а купцы и продавцы предъ нашею квартирою собирались, и оные избирая изъ нихъ кого хотя покупали дешевою цѣною. Бѣдные сіи люди, замараны голые и въ сермягу одѣтые ходили, такъ что съ весьма великимъ воистинну сожалѣніемъ взирали мы на нихъ.

Сентября 24 числа задержавъ противъ воли нашей въ Новѣгородѣ цѣлые восемь дней, вздумалось боярамъ насъ оттуда отпустить; итакъ, когда собраны и выставлены были лошади и коля-

ски, поѣхали мы во второмъ часу послѣ полудня, и прибыли въ вечеру въ разоренную деревню Лентовамъ, оттуда 27 числа того же мѣсяца въ новую Россію, а отсюда въ Плесковъ пріѣхали въ день Михаила, переночевавъ двѣ ночи въ пути на мѣстахъ недостоиныхъ примѣчанія.

Тамъ мы до перваго числа октября пребывали, и понеже не было свѣжихъ лошадей, чтобы перемѣнить утомленныхъ, для того на тѣхъ же лошадяхъ, на которыхъ изъ Новагорода туда пріѣхали, въ Дорбатъ ступать намъ должно было, и первую ночь ночевали въ Гарелѣ, послѣ того въ Репенши, потомъ въ Гаренше, а отсюда въ Дорбатъ, 4 числа октября прибыли.

Здѣсь опять задержаны мы были чрезъ мѣсяцъ почти, прежде нежели въ другое мѣсто отъѣхали, по причинѣ нескораго прибытія пословъ великаго князя, которые съ нами въ Дацію имѣли ѣхать, и до 19 числа октября не прибыли: съ какого жъ времени, и съ какою грустію то медлѣніе намъ причинено, изъяснить словами не можно для особливыхъ причинъ, изъ которыхъ нѣкоторые здѣсь представлю. Первое понеже морской путь (о которомъ выше упомянуто) предлежалъ намъ, и опасно было, чтобы море не замерзло, и дабы мореплаваніе чрезъ то намъ не пресѣклось ибо такое уже время года наступало, въ которое корабли обыкновенно въ гаваняхъ становятъ, парусы и канаты съ кораблей снимаютъ. Второе, понеже войско королей Польскаго и Шведскаго также и Московскаго Царя въ лагерахъ стояло не далеко отъ той дороги, мимо которой намъ итти надлежало, и что по тому россійскимъ людямъ трудно было насъ провожать къ Перпову: ибо они часто отмѣняли намѣреніе свое, желая самихъ насъ и имѣнія наша, то моремъ то земнымъ путемъ везть, смотря по обстоятельствамъ, какъ было услышатъ о расположеніи лагеря непріятельскаго. Третіе, понеже то мѣсто, въ которомъ мы стояли, отъ нападенія непріятелей было не весьма безопасное; потому что надобно было ежедневно боятися нечаяннаго его прихода, ибо нѣсколько уже разъ сего лѣта нападалъ на оное, кромѣ того видны были тамъ предъ городскими воротами мертвыя тѣла убитыхъ людей, которые не зарыты были въ землю, но на лугахъ и поляхъ оставлены на растерзаніе псамъ и свиньямъ.

Почему достойно оплакиванія несказанное Лифляндцовъ бѣдствіе, и проклятая россіанъ жестокость; которые какъ львы ры-

кая свирѣпіютъ на нихъ, и безмѣрно желаютъ ихъ уловить, а схвативши какъ бѣшеныя собаки и свиньи разтерзать и пожрать.

О житіи сихъ народовъ, кромѣ того не знаю что объявить, развѣ только то, что они ни въ какихъ другихъ дѣлахъ не упражняются кромѣ воинскихъ, въ которыхъ будучи всякія труды претерпѣваютъ, голодъ, жажду сносятъ, такъ что всѣ почти, кажется на подобіе несмысленныхъ животныхъ жизнь свою провождаютъ, однимъ хлѣбомъ по большой части голодъ прогоняютъ, а жажду утоляютъ одною водою, общее съ лягушками употребляя питье; рѣдко когда дома имъ сидѣть достанется, наибольше посылаютъ ихъ на войну, для защищенія то Россійскихъ границъ отъ татаръ, то Лифляндскихъ отъ поляковъ и шведовъ. Но полно о семъ, начнемъ о другомъ говорить, и объявимъ нѣчто о томъ, какъ мы въ Дорбатѣ были.

Ѣдучи еще туда весьма надѣялись, что хозяины домы свои намъ уступаютъ, однако приставы надежды той насъ лишили, и вовсе не позволяя намъ въѣхать въ городъ, поставили насъ въ предмѣстіи въ скаредныхъ домахъ, раззоренныхъ, и не починенныхъ, на которые ежели бы кто взглянулъ, конечно сказалъ бы что тѣ хлѣвы и казармы свиньямъ и собакамъ приличны больше, нежели намъ по способности были, ибо чрезъ два или три часа не можно было вычистить оныхъ отъ сору и навозу, и ни спальни, ни столовъ, ни окошекъ, ни скамѣекъ, ни другаго чего не было, чему довольно надивиться не могли мы, наипаче для того, понеже Исданъ Ивановичъ, который съ нами изъ Даціи пріѣхалъ, правилъ симъ городомъ, и многократно въ пути обнадеживалъ насъ, что онъ благодѣяній оказанныхъ ему въ Гафніи незабудетъ.

И хотя того дня мы не обѣдали, однако приставы не привезли запасу, итакъ купивши тайно за собственные свои деньги немножко рыбы, и наѣвшись легли мы спать, а для слугъ достали норвежскихъ сельдей за меньшую цѣну, нежели какъ въ Гафніи или гдѣ индѣ въ Даціи купить можно, ибо три селди по Дацкому пѣнязю продавались, чему не повѣрилъ бы я, когда бы самъ своими глазами не видѣлъ, по тому что издалека привозили.

Пятаго числа главный начальникъ города прислалъ чрезъ слугъ намъ закуски, яблокъ (какъ помнится мнѣ), пятнадцать,

грушъ двадцать, и двѣ кварты меду, а потомъ на третій день, и Исдановъ слуга, принесъ такъ же медъ и яблоки.

Приходилъ при томъ къ намъ одинъ изъ бояръ, который съ нами въ Данію имѣлъ ѣхать, и объявлялъ, что онъ для того къ намъ пришолъ, дабы увѣрить насъ о своемъ благопріятствѣ, и желая освѣдомиться, что намъ потребно къ содержанію себя, все то обѣщалъ промыслить, и по показанномъ ему за сіе съ нашей стороны благодареніи отшолъ; мы же когда хотѣли его въ тотъ же день о нужныхъ нѣкоторыхъ вещахъ просить, то тогда уже онъ въ Плесковъ отъѣхалъ, за двадцать пять миль оттуда, какъ выше показано; изъ сего явно видно, что иное на языкѣ, а иное на сердцѣ имѣлъ, сіе отстояло далеко отъ правды, а тѣмъ напрасно только болталъ.

Чуть было не пропустилъ я здѣсь упомянуть о томъ, что приставы насъ и посланнаго отъ насъ напередъ съ объявленіемъ въ Есилію обманули, такъ какъ и прежде того часто тоже бывало, о чемъ не умолчать, но больше объявить надобно, дабы всѣмъ была извѣстна ненависть ихъ къ намъ, и дабы показать всякому безмѣрную оныхъ невѣрность и злобу, о какомъ обманѣ слѣдующимъ образомъ читателю представлю.

Какъ мы изъ слободы выѣзжали, упомянулъ Болгеръ одноглазый о корабляхъ нашихъ, которыми на морѣ должно было ѣхать, и спросилъ въ коемъ мѣстѣ на оные сядемъ, на то ему сказано, что они будутъ стоять около Арнсбургской крѣпости, какъ сколько статься можетъ ради зимы, и не пойдутъ оттуда прежде, нежели освѣдомятся объ насъ штирманы оныхъ, когда только сильною бурею или жестокимъ морозомъ не будутъ прогнаны; сіе услышавъ сказалъ онъ, не худо было бы вѣстника какого послать, который бы далъ знать, что мы уже на дорогѣ, и день отъ дня поспѣшаемъ въ Есилію, дабы тѣмъ лучше все, что для насъ надлежитъ, приготовлено было тамъ, и дабы тотъ же самой вѣстникъ по исполненіи того воротясь оттуда, явился намъ опять, или въ Дорбатѣ, или въ другомъ какомъ мѣстѣ; и притомъ говорилъ, что приставы повелѣніе имѣютъ, буде намъ вздумается провожатаго ему дать, дабы тѣмъ безопаснѣе дѣло свое отставить, и тѣмъ бы скорѣе къ намъ воротиться могъ; таковъ его совѣтъ приняли мы за благо, будучи весьма увѣрены, что онъ чистосердечно намъ то совѣтовалъ, но послѣ увѣдали, что онъ

подъ видомъ такого своего совѣта обманъ скрывалъ; такъ, о томъ ниже сего тотчасъ объявится.

Почему за пребытіемъ нашихъ въ Новъградъ, вспомнивъ тѣ слова, которые онъ въ слободѣ будучи говорилъ намъ, потребовали мы у приставовъ провожатаго и лошадей для нашего вѣстника, что они тотчасъ и выстатчили. Итакъ, по полученіи лошадей и провожатаго, выѣхавъ изъ Новагорода 19-го числа сентября, отправился онъ въ путь, но прежде нежели отъѣхалъ, пришли къ намъ приставы, и разговаривая съ нами о разныхъ вещахъ, упомянули о кораблях, сказывая, что Царь велѣлъ, дабы корабли наши въ Перновъ пришли, и дабы мы и посланники его, которые вмѣстѣ съ нами имѣли ѣхать, тамъ на оные сѣли; что услышавъ, въ великое смущеніе приведены будучи, отвѣчали мы: такіе ваши рѣчи странны намъ кажутся; мы думаемъ что нельзя запретить, дабы не ѣхать намъ въ провинцію королевскую Есилію, гдѣ съѣстные наши запасы къ мореплаванію приготовлены, гдѣ такъ же порученные намъ королевскіе нѣкоторые дѣла должно было отправить, и вы обстоятельствъ мореплаванія не знаете, ибо не статное дѣло, чтобъ толикіе корабли опредѣленные для насъ могли притти въ Перновъ за препятствіемъ камней и горъ, почему мы невозможнымъ дѣломъ обязываться не можемъ.

Но они не иначе сіе слушали, какъ ежели бы кто глухому расказывалъ баснь, и не продолжая больше о семъ рѣчи, по многимъ сопротивленіямъ и спорамъ, принуждены были мы наконецъ наемные корабли и галеры чрезъ письма понудить выступить изъ Есиліи въ Перновъ, а инако весьма не дозволяли намъ ѣхать земнымъ путемъ; ниже симъ коварствомъ довольны они были, но и другой обманъ употребили; ибо тотъ нашъ вѣстникъ, которому нарошно приказано было воротиться къ намъ назадъ, какъ возможно скоро, во всѣхъ мѣстяхъ на дорогѣ умышленно долго задерживанъ былъ, дабы какъ можно медленно пріѣхалъ въ Есилію, куда когда наконецъ прибылъ, и отправивъ тамъ дѣла, поворотилъ въ Перновъ, то ему далѣе ѣхать насилно позволено было, но даже до самаго дня прибытія нашего, задержали бы его они, ежели бы впрочемъ не замедлили мы въ Дорбатѣ столько времени.

Изъ сего догадатися можно, что обманщикъ оный одноглазый на тотъ конецъ въ слободѣ то совѣтовалъ, чтобы воспрепятствовать намъ въ земномъ пути, и дабы корабли въ Перновъ

приведены были, что въ то время онъ скрывалъ, а не для того чтобы справедливо тѣмъ совѣтомъ своимъ, который подавалъ, по собить.

Больше о семъ говорить весьма скушно; одно сіе однако, что случилось, знанія достойное объявлю: когда уже посланный отъ насъ пригналъ въ Перновъ корабли и галеры, и время продолжалось, прежде нежели прибыли мы въ Арнсбургъ, комендантъ сего города вздумалъ вѣстоваго къ намъ отправить съ увѣдомленіемъ, что корабли въ Перновъ отъѣхали, и при томъ совѣтовалъ, чтобы какъ возможно скоро поспѣшали мы, дабы не воспрепятствовалъ переѣздъ нашъ чрезъ море, по причинѣ зимы близко наступающей, которая заранѣе начинается въ той сѣверной странѣ.

Къ сему вѣстовому придано было одного товарища изъ Перновскаго уѣзду, для препровожденія его прямо въ Горбатъ, куда когда оба они 16 числа октября прибыли, и россіяне о томъ дознались, схватавъ тотчасъ провожатаго онаго, посадили въ тюрьму, за то одно, что онъ ѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ; здѣсь разсуждай пожалуй всякъ, какъ сей россійскій народъ развращенъ, какъ насъ ненавидѣлъ: и съ какою скукою чрезъ цѣлого полгода обращались мы съ ними; ибо безпрестанно прося, не могли склонить ихъ къ тому, чтобы свободили его изъ тюрьмы и помиловали.

Во время пребыванія нашего въ семъ городѣ слухъ носился, что шведы съ войскомъ не далеко отъ насъ находятся; всѣ почти мѣста отъ Пернова до Дорбата опустошаютъ, и то на тотъ, то на Вилинъ городъ, и уже на крѣпости Армутъ, Каркисъ и Рүече, и на другіе мѣста россіянами побѣжденные нападаютъ: о нашествіи которыхъ точномъ мы сами (понеже россіяне того объявить не хотѣли): по догадкамъ заключили изъ сильной пушечной пальбы, которая чрезъ цѣлыи три дни слышна была, и думали что или городъ Вилинъ или какую-нибуть изъ трехъ оныхъ крѣпостей приступомъ берутъ.

Мы боялись сего воіска, потому что въ городъ, въ которомъ ворота не дозволяли намъ входить, не можно было убѣжать, ежели бы непріятель нечаянно напалъ, и домы сверхъ того, въ которыхъ стояли мы, въ далекомъ разстояніи отъ города находились, въ такихъ при томъ мѣстахъ, гдѣ непріятели легко могли бы оные разграбить, сжечь и въ ничто обратить.

Здѣсь можетъ кто спросить: гдѣ въ то время россійское войско было, когда съ непріятелемъ не сражалось, но давало ему волю свирѣпость и ярость оказывать: тому объявляю, что россіяне тогда въ крѣпости Венденъ съ войскомъ ходили, ибо имъ велѣно было приступать къ оной непріятельскимъ образомъ, и до тѣхъ поръ не отступать, пока не возмутъ крѣпости.

Здѣсь не задолго предъ тѣмъ временемъ взятъ въ полонъ великій князь Христіанъ III, дацкаго короля сынъ: на семъ мѣстѣ Москвитяне такое мучительство надъ честными женами и благородными дѣвицами оказали, что не только говорить о семъ, но и слушать страшно. Но понеже сіе къ дѣлу нашему здѣсь не принадлежитъ, для того оставимъ оное, и ежели кто обстоятельно о томъ знать хочетъ, тотъ путь справится съ описаніемъ лифляндскихъ народовъ, недавно въ свѣтъ изданнымъ, въ которомъ жалкое сего бѣдствія окончаніе представлено.

Начнемъ теперь говорить о обрядахъ, какія употребляютъ церемоніи при воженіи и отсылкѣ въ армію пушекъ.

Когда пушки съ мѣста трогаютъ, приходитъ священникъ, и окропляетъ оныя священною водою, пѣніями и молитвами россійскими просвѣщая: оттуда тянутъ бѣдныхъ мужичковъ, заставляютъ которыхъ, вмѣсто лошадей употреблютъ къ воженію оныхъ, ибо видѣлъ я, что одну большую пушку восемь сотъ человѣкъ тащили, которую когда приволокли въ войко, то на другой день услышали мы, что поляки, находившіеся въ крѣпости Венденъ, напали на россіянъ на тѣхъ же дняхъ, имѣли съ ними легкое сраженіе, на которомъ остались они побѣдителями, побивъ и порубивъ до двухъ тысячъ россіянъ: на семъ сраженіи самой первой полководецъ пулею застрѣленъ въ смерть, котораго тѣло везли въ Дорбатъ и привезши погребли съ плачемъ; другой достоинствомъ по немъ второй съ премногими боярами раненъ и пробитъ былъ, такъ что о исцѣленіи его и другихъ всѣ дорбатскіе лѣкари, которыхъ къ вылѣченію оныхъ приводили, отчаявались.

И хотя такое пораженіе претерпѣли, не отступали однакоже отъ крѣпости, но тѣмъ больше держали оную въ осадѣ, что канцлеръ Андрей Солкановъ тамъ присутствовалъ, котораго Государь не задолго предъ тѣмъ временемъ туда отправилъ, дабы въ лицѣ его командовалъ войскомъ, и понуждалъ бы воиновъ къ взятію

крѣпости, и не столько бы понуждалъ, сколько больше объявилъ бы, что Царь намѣренъ всѣхъ тѣхъ, которые прежде взятія крѣпости, оставятъ осаду, мечемъ погубить; тому же повелѣно было, чтобы ни самого меншаго изъ непріятелей, не только самого большаго, не щадилъ, кромѣ одного главнаго начальника того города, котораго живаго къ себѣ привесть велѣлъ, дабы размучить онаго такъ, какъ самому ему угодно.

Пусть сего будетъ сказано по связи сей исторіи, теперь начнемъ о другомъ говорить.

По долговременномъ прибытія посланниковъ ожиданіи, пріѣхали наконецъ они 19-го числа октября, чѣмъ мы весьма обрадованы были, думая о скоро имѣющемъ послѣдовать отъѣздѣ нашемъ, ибо приставы до самаго пріѣзду ихъ всегда говаривали, что вся остановка за ними была, но какъ въ другихъ многихъ вещахъ, такъ и въ сей обмануты мы были.

Ибо по прибытіи своемъ продолжили они время на три дни, прежде нежели сошлись съ нами, и нѣчто объявили, по протествіи которыхъ прислали чрезъ приставовъ лошадей за нами, чтобы поѣхали навѣстить ихъ, и какъ скоро прибыли къ нимъ, то они привѣтствовавши насъ, прежде нежели стали мы о другомъ дѣлѣ говорить, начали жаловаться, что полки шведскіе расположились лагеремъ между Дорбатомъ и Перновомъ, по которой дорогѣ намъ должно было ѣхать, почему заблаго разсуждали они пожить намъ въ Дорбатѣ до тѣхъ поръ, пока выступятъ изъ лагеря, и въ другое мѣсто пойдутъ, и тѣмъ безопаснѣе ѣхать будетъ тогда въ Перновъ.

На которыя жалобы отвѣчалъ я: мы во всѣхъ мѣстахъ долго задерживаны были, сверхъ всей и короля нашего и нашей надежды, и противъ всякой данной вѣрности, и въ противность того, что обнадежены были охранительнымъ конвоемъ, или безопасными письмами, обѣщающими свободный намъ въ Россію пріѣздъ и въ отечество возвратъ безъ малѣйшаго намъ и вещамъ нашимъ препятствія, а ежели бы то инако было, то бы король и не послалъ насъ сюда. Когда между тѣмъ вы обѣщаній исполнить или насъ отпустить не хотите, то мы Всесильному Богу и королю нашему о семъ внушить и жаловаться имѣемъ; при томъ говорилъ я, что мы войска короля шведскаго не боимся, понеже нашъ король съ нимъ никакой вражды не имѣетъ, но къ поѣзду безъ всякаго провожатаго готовы.

Сіе хотя весьма явно и досадно имъ говорено было, однако они ни мало не слушали, но все одно часто твердили, отчего послѣдовало, что мы оставивъ ихъ на квартирахъ, пошли осердясь въ отведенной намъ домъ, для того наипаче, понеже путь свободный и безпрепятственный тогда былъ, по причинѣ отсутствія шведовъ, которые давно уже съ той дороги поворотили, и прямо къ Вендену съ полками своими въ походъ пошли, ожидая тамъ вспомогательнаго Польскаго войска, про которое думали, что оное снесши изблиска знамена туда съ полками отправились, и въ семъ мнѣніи не ошиблись они, но въ тотъ же день, въ который старались россіяне крѣпость достать и знамена на оную обратить, обѣ арміи сошлись, и приготовясь тотчасъ противъ непріятеля съ многочисленнымъ войскомъ на сраженіе вышли, и вобравшись въ Россійской обозъ, побили нѣсколько тысячъ: ибо все почти войско ихъ разбито (и взято пушекъ тридцать три съ ядрами и порохомъ), прочіи же въ несчастливомъ семъ войскѣ бывшіе, въ разныя стороны разбѣжались, такъ что едва кому осталось возвѣстить о семъ пораженіи, изъ коихъ нѣкоторые раненые и ободранные пришли въ Дорбатъ, на которыхъ ежели взглянуть, то не только отъ слезъ, но и отъ смѣху не можно удержатися.

Сіе несчастіе слѣдовало также и канцлеру Андрею Солкану, которому главная команда надъ войскомъ поручена была, ибо попался бы онъ въ непріятельскія руки, ежели бы въ скорости не ускакалъ оттуда. И какъ побѣжавши скрылся въ крѣпости Нонненборгъ. По причинѣ сей послѣдовавшей надъ непріятелями побѣды сказать не возможно, какой страхъ на россіанъ напалъ, ибо подобнаго тому сраженія, какъ сказываютъ за нашей памяти отъ времени родителя сего Царя не было въ сихъ мѣстахъ, почему шведы и поляки такой страхъ собою нанесли въ сихъ странахъ, что приставы наши, которые въ Перновъ имѣли везть насъ, въ поѣздѣ будучи весьма опасны, не смѣли на прямую дорогу взъѣхать, но повезли насъ чрезъ многія окружныя и отдаленныя мѣста. Но довольно о семъ, теперь возвратимся къ описанію путешествія нашего.

29-го числа, прожившп мы противъ воли нашей мѣсяцъ безъ трехъ дней въ предмѣстіи города Дорбата въ гнусныхъ домахъ, а посланники Царевы въ городѣ (въ который вступили они, когда узнали, что непріятели недалеко отъ того мѣста находятся, и му-

жички со всѣми своими вещами вошли въ городъ для сохраненія себя) заготовились къ отъѣзду, то по причинѣ того, что боялись нападенія непріятельскаго, то для близко наступающей уже зимы, и въ тотъ день полмили уѣхавши, прибыли къ одной деревнѣ, Арфекома называемой, оттуда къ Емпферу за шесть миль мѣста, на третій день пріѣхали въ *Уберполенъ* переѣхавши четыре мили.

Не знаю право къ стати ли будетъ упомянуть здѣсь о томъ, что россіяне взяли недавно замокъ онаго города, и завоевали въ то время, какъ мы въ Новѣгородѣ были, ибо оный замокъ принадлежалъ прежде къ шведскому королю, и вступленъ былъ ему великимъ княземъ братомъ Дацкаго короля, почему россіяне тѣмъ жесточае содержали оный въ осадѣ, ибо то ихъ понуждало, что замокъ тотъ отошелъ отъ нихъ, которымъ прежде они владѣли. Оттуда въ Карномъ, за три мили отстоящій отъ города Уберполенъ, потомъ въ *Вилинъ*, 2-го числа ноября прибыли мы, переѣхавъ 6 миль.

И внутрь сего города въѣхать не дозволяли намъ приставы наши, но въ одномъ мѣстѣ предъ городскими воротами на дворѣ стояли мы, ибо во всѣхъ мѣстахъ обнищали домы ихъ, которые прежде были богатые.

Здѣсь услышали мы, что полководецъ Ревельскаго войска, *Ганнибалъ* не задолго предъ тѣмъ совсѣми добычами въ Веденѣ полученными чрезъ весь Россійской трактъ къ Ревелю безъ всякаго вреда прошелъ, и то ему не мѣшало, что къ Видину городу и Перпову близко подступилъ, изъ чего догадываться можно, что они ослабѣли, понеже не на тѣхъ не нападали, ни гнались за унесенными добычами.

Оттуда 4-го числа ноября поѣхали мы къ *Перпову*, и уѣхавши три мили, ночевали первую ночь въ деревни Кепть, и понеже россіяне успокоились отъ воинскихъ трудовъ, отдыхали въ сихъ мѣстахъ въ отсутствіи Ганнибала, который не задолго предъ тѣмъ временемъ къ Ревелю (какъ выше объявлено), пошолъ, для того какъ можно поспѣшно везли насъ, дабы пріѣхать намъ въ Перновъ, прежде нежели поворотится онъ оттуда, и войдетъ съ войскомъ въ городъ; и такъ прибыли мы въ Перновъ, 6-го числа ноября, переночевавъ одну только ночь на пути въ самыхъ подлыхъ хижинахъ, отъ Кепта за пять, а отъ Плескова за семь миль отстоящихъ. По сіе мѣсто ѣхали съ нами приставы наши, и хотя Россійскіе и Лифлядскіе области переѣхали уже мы, и къ морю,

чрезъ которое переправляться слѣдовало, прибыли, однако не могли они отъ того удержаться, чтобы по своему обыкновенію не дѣлать намъ пакостей, и дабы не приводить насъ къ озлобленію, ибо по прибытіи нашемъ туда, сталъ я въ домѣ одного хозяина нѣмца за городомъ (что обыкновенно всегда дѣлается), въ томъ мнѣніи будучи, что можно будетъ у него достать нужные вещи къ пропитанію себя, понеже я три дни уже почти ничего не ѣлъ, и проводилъ голодомъ, но не получилъ желаемаго, ибо увели его отъ насъ, и повели съ женою въ городъ, запретивъ, чтобы чрезъ все то время, пока мы тамъ будемъ, и не навѣдался домой; итакъ довольствуясь пустыми опыми домами и ограбленными, прожили мы тамъ до другаго дня. Сія обида не самая большая была, которая къ озлобленію нашему слѣдовала, но причиняли также они намъ и другіе гораздо большія, о которыхъ слѣдующимъ образомъ объявляю.

До прибытія еще нашего пріѣхалъ на одномъ кораблѣ Гафнинской купецъ, котораго когда наняли мы къ перевозкѣ нашихъ вещей чрезъ море, то они того купца подъ карауломъ держали, чтобы и въ глаза не показывался намъ, прежде нежели отъѣдемъ, и Любскаго гражданина, котораго корабль наняли мы для Россійскихъ посланниковъ, также до самаго дня нашего отъѣзда засадили въ городъ съ однимъ Арнсбургскимъ гражданиномъ, который пріѣхалъ было туда съ письмами до насъ отъ королевскаго губернатора; тотъ видя, что не можно оттуда вырваться, просилъ позволенія къ намъ придти, объявляя что онъ письмы намъ вручить имѣетъ; сіе какъ скоро услышали, отобравъ тотъ часъ у него, взяли оные къ себѣ, распечатали и прочли, потомъ прочитавши къ намъ отослали; и хотя весьма явно договаривали мы имъ, что не водится у честныхъ людей такъ, чтобы чюжіе письмы распечатывать, тѣмъ больше читать, такихъ наипаче людей, которые имъ всегда благопріятствовали, и которые именемъ Государей своихъ важные дѣла отправляютъ, однако несмотря на то не стыдились сего ни мало, будучи такихъ мыслей, что имъ все возможно дѣлать.

Кромѣ того когда тамъ уже были посланники, которые съ нами въ Данію имѣли ѣхать, то опасались они, дабы не уѣхали мы на корабляхъ безъ нихъ, для того ставлены были ночью при насъ на карауль стрѣльцы съ ружьемъ, для предосторожности, чтобы схватать насъ, ежели бы тихонько уѣхать вздумали.

Смотри пожалуй, какая злоба и невѣрность продерзостныхъ людей россіянъ. Кто таковъ изъ человѣкъ могъ бы подумать, чтобы сіи такъ обходились съ друзьями, такими притомъ, съ которыми недавно мирный договоръ заключили. Кто наконецъ не гнушался бы взглянуть на нихъ и обращаться съ ними, когда не безопасно съ оными обходиться, и когда всякъ у нихъ со всѣхъ сторонъ утѣсненіе терпитъ; воистину развѣ кто безъ ума былъ, который не сносилъ бы лучше всякихъ трудовъ, нежели вдался бы въ такіе злоключенія.

Сего объ нихъ довольно, теперь воротимся уже за помощію Божіею къ предложенному дѣлу, откуда отступили, почему что, беззавистно по справедливости пишу, читателя прошу выслушать.

Девятаго числа ноября, когда уже полгода прошло съ того времени, какъ изъ отечества своего выѣхали, по утру весьма рано до свѣта отправились мы на море, ибо земной путь намъ воспященъ былъ, и чтобы не отъѣхать намъ мимо знанія и противъ воли ихъ (какъ они думали), для того пріотъѣздѣ дали знакъ тремя трубами, тогда шли за нами къ морскому берегу, вышеупомянутые стрѣльцы, которые не пустили бы насъ на море, ежели бы не провожали посланниковъ четыре изъ дворянъ, которые тамъ были; итакъ отправившись въ морской путь поѣхали къ *Монуму*, и прибыли на третій день въ область короля нашего.

Когда же во время мореплаванія доходило почти намъ до кораблекрушенія, то я о причинѣ того случая коротко объявлю, какъ поѣхали мы къ *Монуму*, отстоящему отъ Пернова за четырнадцать миль, схватился сильной вѣтръ, и парусы всѣ вверхъ подняты были, тогда корабль скорымъ движеніемъ наскочилъ на каменистую гору, отчего послѣдовало, что по снятіи парусовъ занесло насъ къ оной въ одинъ часъ съ великимъ злоключеніемъ нашимъ, но помощію Всевышняго, который отъ многихъ и великихъ бѣдъ насъ прежде часто избавлялъ, по долгой печали приведены мы были къ пристанищу невредимы и тогда, откуда прибыли въ Арнсбурхъ въ среднихъ числахъ ноября. Здѣсь властители и вельможи острова съ честію принимали насъ, которые нетолько Всесильнаго Бога благодарили, что свободилъ насъ не вредныхъ отъ рукъ точнаго Фараона, то-есть Московскаго Царя жесточайшаго (врага?) Нѣмецкаго народа, и что привелъ обратно въ землю давно и безмѣрно желаемую, но и къ оказанію намъ всякой милости благосклонны явились, съ радостію слыша, что мирной

договоръ съ королемъ и Московскимъ Царемъ заключенъ, дабы не принуждали ихъ, какъ прочихъ Лифляндцовъ къ варварскимъ Россійскимъ правамъ, которые чрезъ столько уже вѣковъ нѣмецкими законами воспитываемы были.

Здѣсь пребыли мы до 20-го числа мѣсяца, потому что намѣрены были къ собственному нашему жилищу чрезъ Нѣмецкую землю возвратиться, убѣгая морозовъ и другихъ морскихъ злоключеній, и предприуготовить то, что къ поѣзду нашему надлежало.

Сіе тебѣ благосклонный читатель имѣлъ я коротко объявить о семъ нашемъ путешествіи въ Россію, теперь къ предложенію намѣренія моего надлежитъ, въ кратцѣ представить возвращеніе отсюда въ Дацію, но прежде нежели стану о томъ писать, намѣреваю къ сему моему сочиненію мало нѣчто прибавить, что за краткостію времени и за скоростію путешествія пропущено выше.

Въ описаніи путешествія въ Россію упомянуто, что татарамъ волно, сколько хотятъ имѣть женъ, и то мы въ Новѣгородѣ познали. Былъ тамъ татаринъ отъ жителей цесаремъ прозванный, который имѣлъ шесть женъ, знатнаго лифляндскаго рода, и съ оными поперемѣнно совокупляется, однако такъ что между тѣми шестьми держитъ при себѣ седьмую жену русскую, которую они за госпожу признаютъ и почитаютъ. Когда захочется ему съ какою поспать, то къ той, которую полюбитъ, и съ которою совокупится захочетъ, перстень или другой знакъ посылаетъ; оная принявъ то, къ исполненію всего съ охотою идетъ, всякое удовольствіе оказывая ему какъ жена, до тѣхъ поръ пока другой захочетъ, и такимъ же знакомъ пригласитъ къ себѣ и ту.

Гдѣ упоминается о Исданѣ Ивановичѣ посланникѣ, недавно отправленномъ къ Римскому императору, то сіе объ немъ должно знать, что онъ былъ человѣкъ скверная права и неблагодарный, который чрезъ все то время, какъ мы въ Дорбатѣ цѣлой почти мѣсяцъ были, никакого доброжелательства не оказалъ намъ, да еще и признаться почти не хотѣлъ, хотя многократно обѣщалъ довольно возблагодарить за ту милость которую въ Гафніи чювствовалъ. Ежели спрашиваешь что за милость ему оказываема была: то объявить намъ не стыдно, однако не на тотъ конецъ, чтобы тѣмъ сверхъ приличія схвастать, но для того больше, дабы явно показать звѣря сего неблагодарность и подлой духъ: нашъ король подарилъ ему золотую цѣпочку, хотя онъ не посланъ былъ

къ Его Величеству, но по случаю туда заѣзжалъ, чтобы на королевскихъ корабляхъ въ безопасности къ отечеству доѣхать, а потомъ король на тѣхъ же самыхъ отправилъ его въ Перновъ во всякомъ благополучіи, ибо иначе едва могъ бы онъ доѣхать домой по причинѣ шведскаго флота; что до меня касается; я, стараясь пріятствовать ему, всякой день, пока жилъ онъ въ Гафніи обсылалъ его виномъ, рыбою, зайцами, сайгами и другими нужными вещами, на кушанья просилъ, принималъ съ честію, и потчивалъ по возможности своей, дарилъ ему ружье, и другое тому подобное, что самое дѣлали также Григорій и Арнолдъ, весьма увѣрены будучи, что онъ благодарнымъ духомъ то принять имѣетъ и въ Россіи возблагодаритъ. Однако дознали мы въ ту пору, что онъ весьма отмѣнилъ себя въ томъ, ибо отложа все простосердечіе и позабывъ всѣ обѣщанія, самымъ неблагодарнѣйшимъ и необходительнѣйшимъ здѣлался.

Когда упоминалъ о крѣпости Уберполенъ, позабылъ объявить о томъ, что тамъ видѣли мы, то-есть, повѣшеныхъ людей трупы собаки на висѣлицахъ раздирали, и даже до костей грызли; при томъ вездѣ по дорогѣ убитыхъ головы взоткнуты были на колье, также мертвые тѣла валялись на пути не погребены.

Не надобно и того пропустить, что россіяне такъ безчеловѣчно съ плѣнниками своими обходятся, что не позволяютъ имъ ничего брать у посланниковъ и прохожихъ людей, воспящая то сколько можно, и запрещая давать милостыню: ибо когда будучи мы въ Дорбатѣ, послали имъ двадцать талеровъ, сжалившись налъ умиленнымъ бѣдныхъ прошеніемъ, то не позволено было онымъ того взять, да и плетми еще высѣкли тѣхъ, которые допустили.

Здѣсь такъ же приходитъ на умъ упомянуть о томъ, что россійскіе посланники, которые посланы были съ нами въ Данію, въ Дорбатѣ ни одинъ разъ на кушанье насъ не просили, и ничемъ не обсылали, что подавало намъ случаи, къ предосужденію оныхъ, покупать нужныя вещи за собственные наши деньги, и къ себѣ звать ихъ въ гости; и примѣтили мы, что они благодѣянія больше любили получать, нежели дѣлать, ибо не только не отказывались бывать у насъ, но и весьма рады еще тому были, не смотря на то, что ни прежде, ни послѣ ни какой чести намъ не оказали.

Пусть будетъ сіе вкратцѣ объявлено о томъ, что должно было дополнить; теперь обратимся уже къ описанію возвращенія

въ Дацію, отъ котораго отступили, и понеже путь оный довольно извѣстенъ, для того довлѣетъ только о именахъ городовъ, крѣпостей и деревень, чрезъ которыя мы проѣзжали, и о разстояніи ихъ упомянуть, что все слѣдующимъ образомъ объявлю.

Двадесятаго числа ноября выѣхавши изъ Арибурха, прибыли мы въ деревню Самле [1] за три мили оттуда, и промѣшкали тѣмъ до завтрешняго дня; оттуда на другой день пріѣхали къ королевскому дворцу Торрихъ [2] отстоящему отъ того мѣста за три мили. Отсюда ко двору Сварферъ [3], гдѣ жилъ одинъ дворянинъ Георгій Фитингъ [4], прибыли, положеніемъ отъ онаго въ трехъ миляхъ. Здѣсь есть портъ Осальской [5], подлѣ котораго течетъ часть моря Рижское дно [6] называемая, отдѣляющая Осалію отъ Курляндіи, которая противъ оной лежитъ. Здѣсь сѣдши мы на нѣкоторыя весьма худые судна, 24-го числа ноября, съ великимъ бѣдствомъ и трудностію семь миль морскихъ переѣхали, то по причинѣ жестокаго морозу, который на тѣхъ же дняхъ случился, такъ что принуждены были цѣлую милю чрезъ замерзшее море силою вѣтровъ и помощію веселъ переправляться, то по той причинѣ, что не было никакого пристанища съ Курьляндской стороны, но отверстое море со всѣхъ сторонъ окружаетъ, и преужасные волны ударяютъ на землю, потому что море въ тѣхъ мѣстахъ многіе каменистыя горы имѣетъ, такъ что когда бы Курляндцы, подъѣзжая на лодкахъ, не подавали помочи, то бы никто не могъ безъ поврежденія и нарушенія кораблей къ берегу доѣхать, почему весьма прилежно смотрятъ всегда на парусы, и пріѣзжаютъ къ онымъ на помощь. Что много говорить: нѣтъ думаю во всемъ окіанѣ опаснѣйшаго мореплаванія.

Въ семъ мѣстѣ за Божіею помощію, переправились мы чрезъ море благополучно, однако такъ, что ежели бы въ то время не переѣхали, то бы на другой день или можетъ быть въ ту зиму не приплыли къ берегу, понеже въ ту ночь море такъ замерзло, что гдѣ того дня, въ который мы туда прибыли, пѣшимъ перейти

---

[1] Salme.
[2] Torrich.
[3] Swarver.
[4] Viting.
[5] Osalicus.
[6] Maris Rigensis profundus.

почти не можно было, тамъ на другой день на лошадяхъ уже ѣздили.

Здѣсь имѣли мы случай, какъ и прежде того часто, благодарить Всевышняго, что святѣйшими Своими ангелами сохранилъ насъ отъ вреда и избавилъ отъ наступающихъ бѣдъ.

26 числа прибыли мы въ *Сутенъ*, [1] переѣхавъ три мили, оттуда за четыре мили въ *Посенъ*,[2] по которой дорогѣ веденъ замокъ великаго князя *Донданъ*; [3] здѣсь также течетъ рѣка *Виндовъ*, чрезъ которую колясками переѣхали, по причинѣ наставшей уже жестокой зимы.

Оттуда поѣхали въ *Етваленъ* [4] за пять миль, къ жилищу Іоганна-Бера, мужа всякой похвалы достойнаго, который встрѣтилъ насъ на дорогѣ, просилъ къ себѣ и принималъ богато и довольно; оттуда 29 числа отправившись, прибыли того же дня въ *Гасенпотъ*,[5] разстояніемъ въ пяти миляхъ; отъ Гасенпота до *Гребина* [6] пять миль считается; до *Зибенберга* [7] къ Святымъ горамъ—[8] четыре мили.

Здѣсь также переѣзжать должно было чрезъ рѣку, которая отдѣляетъ герцогство Курляндское отъ Польской страны, называемой Литва или Сармація.

Во время пребыванія нашего здѣсь, услышали мы, что мужички въ сихъ мѣстахъ великое возмущеніе сдѣлали, такъ что всѣ жители той стороны собрались въ одно мѣсто, до десяти или двѣнадцати миль простираясь, по той дорогѣ, чрезъ которую намъ ѣхать слѣдовало, и вознамѣрились силою, когда можно будетъ напасть на начальниковъ той области, за то, что обременяли ихъ новыми податями и тягостями, причемъ выбравъ между собою мужичка нѣкотораго одноглазаго, поставили его надъ всѣим старшимъ, который такъ жестоко велъ себя, что всѣхъ тѣхъ плетьми и лозами сѣкъ, которые сидя дома ослушны казались въ сопро-

---

[1] Suten.
[2] Posen.
[3] Dondang.
[4] Ethwalen.
[5] Hasenpoth.
[6] Grebbyn.
[7] Siebenbergum.
[8] Heiligen.

тивленіи вышеупомянутымъ начальникамъ, почему такое множество мужиковъ собралось, что всѣ ихъ боялись, начальники же той области, предоберегая себя и стараясь намѣренія оныхъ уничтожить, пятьсотъ Татаръ и Поляковъ собрали, дабы явно преодолѣть ихъ, что сдѣлалось ли, не знаемъ; мы другимъ путемъ отправившись, лагери ихъ объѣхали и проѣхавъ чрезъ мѣстечко *Полангенъ* [1] прибыли того же дня въ *Мемель*,[2] гдѣ замокъ весьма крѣпкій, а городъ тотъ собою не великъ; здѣсь мы хотя одинъ только день думали дать отдохнуть утомленнымъ лошадямъ, а потомъ въ предпріятый путь скоро поѣхать, однако, противъ воли нашей, принуждены были до третьяго дня простоять по причинѣ быстрой рѣки, чрезъ которую надобно было тамъ переѣзжать, ибо по всей оной ледъ шелъ, который бурные вѣтры то сюда, то туда сильнымъ движеніемъ относили, такъ что не можно было ни кому переѣхать чрезъ оную, до тѣхъ поръ пока не стала.

На тѣхъ же дняхъ, по причинѣ влажности неба и воздуха, море приведено въ возмущеніе, стало проходить и не безопасно было, что нѣкоторые самымъ опытомъ дознали, желая переѣхать на одномъ суднѣ, ибо въ тотъ же день снесъ ихъ ледъ съ суднома къ океану и, бѣдствуя на морѣ двѣ ночи, избавлены были наконецъ и приведены къ пристанищу, помощію тамошнихъ гражданъ и жителей; мы же на другой день переѣхавъ, прибыли 11 числа декабря въ *Регіомонтъ*,[3] въ восемнадцати миляхъ отстоящій отъ того мѣста, откуда 13 числа отправившись пріѣхали въ *Мелбингъ* [4] городъ. 15 числа, на третій день, накормя тамъ лошадей, поѣхали и прибыли въ *Гданскъ* [5] 18 числа, двадцать четыре мили прибѣжавши, гдѣ по долгомъ оному пути кормили мы лошадей и дали имъ отдохнуть два дня.

Здѣсь пріятели наши, которымъ король нашъ благодѣтельствовалъ, принимали насъ съ честью и великолѣпно угощали, ибо твердо содержали они въ памяти благодѣянія, не задолго предъ тѣмъ оказанные имъ отъ его королевскаго величества.

---

[1] Polangenum.
[2] Moemel.
[3] Regiomontum.
[4] Melbing.
[5] Gedanum.

Когда хотѣли мы оттуда отойти, повели насъ нѣкоторые изъ сенаторовъ къ башнѣ, которая была надъ пристанью подлѣ города, для того, чтобы показать намъ коликія и какъ жестокія при послѣднемъ къ сему городу приступѣ, претерпѣвали они непріятельскія нападенія, чего ради безпрестанно благодарили всесильнаго Бога и короля нашего, подавшаго имъ помощь въ то бѣдственное время, что онъ отъ рукъ непріятельскихъ свободилъ.

Подъ вечеръ будучи угощены и въ томъ также мѣстѣ довольнымъ пиромъ, сѣдши въ коляски отъѣхали, и уѣхали двѣ только мили, ночевали въ селѣ *Коллипкѣ*;[1] тамъ мы оставили одного сенатора Гданскаго Михаила Сифрида, [2] который до тѣхъ поръ ѣхалъ съ нами вмѣстѣ; на другой день поѣхали въ *Ландсвицъ*,[3] за семь миль оттуда: въ послѣдующій день переѣхали также семь миль и проѣхавъ чрезъ Леонбургъ городъ прибыли въ *Саръ*, [4] оттуда въ *Сечеминъ*, [5] отстоящій отъ онаго мѣста за семь миль съ половиною.

По сей дорогѣ проѣхали мы чрезъ Самновъ [6] городъ, отъ котораго Кеслинъ [7] въ одной мили, а Карлинъ [8] отъ Кеслина въ трехъ миляхъ отстоитъ, которыми городами владѣетъ князь Померанскій младшій Каземіръ, т.-е. епископства епископъ, который въ обоихъ сихъ городахъ имѣетъ епископскіе дворы, богато сдѣланные; отъ вышеписаннаго онаго мѣста прибыли того же дня въ *Новогродское*[9] графство и, перебѣжавъ пять миль пріѣхали въ *Новогродъ* жилище графское, въ вечеру предъ Рождествомъ Христовымъ; на другой день проѣхавъ чрезъ городъ Голденовъ [10] за три мили отъ онаго, прибыли въ городъ Дамъ, оттуда въ семи миляхъ, отсюда поѣхали въ *Штетинъ*, за одну милю отстоящій отъ того мѣста, а отъ Гданска за сорокъ три мили, гдѣ нанявши новые коляски въ тотъ

---

[1] Kollipke.
[2] Sfridum.
[3] Landsvitz.
[4] Sagers.
[5] Setzemyn.
[6] Somnow.
[7] Kesslyn.
[8] Karlyn.
[9] Nengardiam.
[10] Goldenow.

же день двѣ мили сверхъ того уѣхали и прибыли въ село *Фалкенвольде.*[1] Оттуда отъѣхавъ и отдохнувъ немного въ городѣ *Акермундѣ,*[2] отстоящемъ за пять миль оттуда, ночевали ту ночь въ селѣ *Бугевичѣ,*[3] переѣхавъ послѣ обѣда двѣ мили, отсюда по утру, весьма рано, отправившись въ городъ *Даминъ,*[4] уѣхали шесть миль, проѣхавъ чрезъ городъ *Анкламъ,*[5] откуда въ *Ростохъ*[6] 29 числа декабря чрезъ *Текелинъ*[7] городъ, проѣзжая разстояніемъ отъ онаго за пять миль, прибыли; здѣсь, на половинѣ дорогѣ, Померанскія области кончаются и начинается Мегапольское (Великогородское) герцогство.

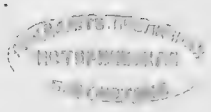
30 числа декабря въ Висмарію городъ пріѣхали, въ шести миляхъ отъ Ростоха; послѣдняго числа того мѣсяца перебѣжавъ три мили, ночевали въ одномъ селѣ, а потомъ 1 числа генваря переѣхавъ чрезъ Травемундъ, прибыли въ Голстинію,[8] и переѣхавъ шесть миль также въ селѣ ночевали, оттуда перебѣжавъ двѣ мили пріѣхали на другой день въ Себебергъ,[9] гдѣ навѣстили мы своего пріятеля Генрика Ранцова, короля нашего намѣстника Голстинскаго, которому прибытіе наше по справедливости было весьма пріятно, и который къ оказанію всякихъ благодѣтельствъ, являлся намъ благосклоненъ, съ которымъ простясь три мили еще уѣхали мы въ тотъ же день; 3 числа того мѣсяца прибыли въ *Рейнесбургъ,*[10] 4 числа въ *Фленсбургъ,*[11] 5 въ *Гадерслевію,*[12] оттуда того же 5 числа пріѣхавъ въ отечество, прибыли въ *Колдингу,*[13] и переѣхали мы во время сего нашего путешествія, морскихъ миль 224 и земныхъ 566.

---

[1] Falckenwolle.
[2] Ackermunde.
[3] Bugewitz.
[4] Damyn.
[5] Anklam.
[6] Rostocium.
[7] Thesselyn.
[8] Holsatiam.
[9] Segebergum.
[10] Rennesburgum.
[11] Flensburgum.
[12] Haderslebiam.
[13] Koldingam.

Здѣсь предстали мы предъ короля нашего, и его величество въ здравіи и благополучіи радостно увидѣли.

Здѣсь также застали мы и королевну благополучну, потому что на тѣхъ же дняхъ родила королю и королевству нашему любезнѣйшаго принца, котораго всесильному Богу поручая, всѣмъ сердцемъ желаемъ, дабы сей младенецъ, съ младенцомъ за 1579 лѣтъ прежде сего времени родившимся, то-есть сыномъ Божіимъ возрасталъ вмѣстѣ лѣтами, премудростью и милостью у Бога, и любовью народа.

Сіе имѣлъ я вкратцѣ объявить о семъ нашемъ посольствѣ въ Россію, что все пріими за благо благоразумный читатель, прошу, откуда можешь усмотрѣть съ какимъ злоключеніемъ и съ какою грустью совершили мы вышепоказанный путь.

Теперь уже напослѣдокъ остается благодарить всесильнаго Бога по премногу, что избавилъ насъ отъ рукъ Московскаго народа, жесточайшаго Фараона, презлаго ненавистника христіанскаго имени и привелъ невредныхъ въ отечество, сему да будетъ хвала, честь и слава во вѣки вѣкомъ.